

Елена Бауэр

Три солнца
Сага о Елисеевых

Книга I. Отец.

Кто разрушил
их империю?

СКВОЗЬ ВЕКА

RED

RED. Выбор редакции

Елена Бауэр

**Три солнца. Сага о
Елисеевых. Книга I. Отец**

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Бауэр Е.

Три солнца. Сага о Елисеевых. Книга I. Отец / Е. Бауэр —
«Редакция Eksmo Digital (RED)», 2021 — (RED. Выбор редакции)

ISBN 978-5-04-157598-4

Российская Империя. Конец XIX века, начало XX столетия. Век перемен, грань времен. Григорий Елисеев — крупный торговец, магнат, семьянин. Он почти счастлив. Миллионный достаток, торговая монополия, власть, красивые дети и мудрая жена. Только его тщеславие до сих пор остается неудовлетворенным и ежедневно цепляется за низкородную зазубрину. Елисеев не дворянин и ему неустанно на это намекают. Для Григория получение дворянства — это заветная мечта. Но в погоне за идеалами, Елисеев теряет главное. От его взгляда ускользает, что на самом деле огненная гиена уже пожирает фундамент созданной им машины. И стоят за этим самые близкие люди. Крах семьи Елисеевых словно зеркальное отражение краха Российской Империи. Действие романа буквально взрывается страстями! Любовь здесь гибнет в тугом узле разлуки, страсть кипит вместе с ненавистью и печальными аккордами отзывается предательство. Комментарий Редакции: Даже самые сахарные ананасы, потонувшие в блесках шампанского, обретают дегтярную горечь, если в семье буйствует разлад.

ISBN 978-5-04-157598-4

© Бауэр Е., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Бауэр

Три солнца. Сага о Елисеевых

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Alex_Bond / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Все события и персонажи вымышлены, любое совпадение имен и событий с реальными является случайным.

Посвящается моим родителям, Арнольду Артуровичу и Тамаре Сергеевне Бауэр

*Три ясных, три победоносных солнца,
Не рассеянных слоем облаков,
Но видимых отдельно в бледном небе.
Смотри, смотри, слились, как в поцелуе,
Как бы клянясь в союзе нерушимом;
Теперь они единым блеском стали,
Единым светочем, единым солнцем!
Каких событий это вещей знак?*

Уильям Шекспир. Генрих VI

Пролог

В первый день октября 1914-го в Петербурге стояла на редкость ясная погода. Осеннее солнце отчаянно заливало светом город, даря несбыточные надежды на то, что зима заблудится, потеряет дорогу к северной столице. И только где-то далеко, на краю лазурной палитры, можно было заметить зловещую тучу, которая медленно расплзалась по небу, как черная клякса на свежей акварели, постепенно поглощая все на своем пути. Нужно было обладать недюжинным зрением, чтобы рассмотреть надвигающееся ненастье, поэтому большинство горожан просто радовались последним погожим дням и внушающим оптимизм новостям с фронта. Солнечно улыбаясь, они шли навстречу неминуемой смертельной мгле, которая очень скоро накроет всю страну.

Той осенью Российская империя была на подъеме патриотизма и веры в победу. В столице все разговоры крутились вокруг театра военных действий, но если бы не это обстоятельство, то мало что могло бы поведать стороннему наблюдателю о недавнем начале мировой войны. Состоятельные обыватели так же продолжали наслаждаться привычными житейскими радостями – театрами, раутами, суаре. Даже сухой закон, введенный в сентябре Государственной Думой, не слишком огорчал столичных гуляк. Разве что спиртное в питейных заведениях стали подавать в заварочных чайниках. Эдакая малая шалость!

Воспользовавшись прекрасным днем, многие достопочтенные петербуржцы выбрались на улицу: кто-то просто лениво пройтись по набережным и понежиться на солнышке, кто-то – съездить в Царское Село на освящение церкви Красного Креста, где присутствовала царская семья. Озябнув на прогулках, горожане потянулись в кафе, чтобы согреться, выпив чаю или чего покрепче, побаловать себя изысканными десертами и обменяться последними известиями.

Озорные лучи пробивались сквозь легкие ажурные занавески кафе-кондитерской. Они ревели на сладостях, выставленных во внутренних витринах, перепрыгивая с разноцветных пирожных на многоярусные бело-розовые торты. Кружевные платья посетительниц идеально вписывались в эту зефирную картинку. Рядом крутились детки – сплошь белокурые ангелочки в атласных ленточках и в костюмчиках с морскими воротничками. Столы ломились от изобилия фруктов, десертов и мороженого. Официанты элегантно лавировали между столиками, разнося ароматный кофе и горячий шоколад. Большинство посетителей кафе были знакомы друг с другом. Они раскланивались со вновь вошедшими или покидающими заведение. Разговоры за столиками сливались в единое убаюкивающее журчание. Ненавязчивым фоном звучал рояль. Идиллия. Все здесь пахло миром, роскошью и ванилью.

Только одна пара, казалось, держалась особняком. Ни с кем не общаясь, никого не приветствуя, ничего не замечая, они были полностью поглощены друг другом. Даже не видя лица дамы, скрытого широкими полями шляпы, нельзя было не восхититься ею – тем королевским достоинством, с которым она держала осанку, изящными руками с длинными пальцами. Солнце бросало отблеск на локон, выбившийся из-под шляпки, и от этого она вся словно светилась. Грации и плавности ее движений могла бы позавидовать бывшая прима-балерина Мариинского театра, а ныне акционер Путиловского завода – Матильда Кшесинская, которая, между прочим, была первой русской танцовщицей, научившейся крутить 32 фуэте. Ходили слухи, что именно благодаря ей и ее любовнику, одному из великих князей, Россия вступила в войну с оружейным и снарядным голодом. Но не будем опускаться до досужих домыслов, тем более что сейчас не об этом. Незнакомка принадлежала к тому типу женщин, который парижане называли бы *Les elegantes et belle*. Ее собеседник, немолодой блондин с идеально правильными чертами лица, не мог отвести от нее своих притягательных голубых глаз.

Тем временем за столиком в противоположном конце зала шла оживленная беседа.

– Теперь решительно невозможно найти шелковые сорочки... – заявила дама средних лет.

– Отчего же? – удивилась одна из ее собеседниц. – Неужели все отправили на фронт?

– Это вовсе не дань моде, – заговорщицки поделилась первая дама, снизив голос и нагнувшись к центру стола, чтобы всей компании было слышно: – Говорят, там не заводятся насекомые...

Все сидевшие за столом женщины дружно поморщились.

В это самое мгновение распахнулась дверь и в кондитерскую вместе с прохладным воздухом ворвался мальчишка – разносчик газет.

– Свежие новости! Страшная трагедия! Самоубийство на Песочной!

Несколько посетителей вскочили и тут же купили газеты. Рояль затих. На какую-то долю секунды в давящей тишине был слышен только шелест страниц. По мере прочтения дамы с ужасом ахали, мужчины хмурились. Кондитерская заполнилась возбужденным гулом. Известие о трагедии сломало и без того условные барьеры между столиками, объединив всех посетителей в общем обсуждении случившегося. Дамы зашебетали, перебивая одна другую, не давая мужчинам ни единого шанса вставить хоть слово.

– Какой ужас! Мне кажется, я ее видела третьего дня... – начала одна.

– Чему же тут удивляться? Ведь у него любовница! Выходят в свет вдвоем при живой-то жене... – подхватила вторая. – Никакого стыда...

– Да кто же эта развратница? – подключилась третья.

– Ничего особенного... – прокомментировала посетительница, которая, видимо, знала об этой истории больше всех, либо ей хотелось, чтобы все так думали. – Обычная дама полусвета... хотя довольно красива...

– И все-таки... из-за какой-то кокетки... тогда уж половине Петербурга можно на себя руки наложить... – не унимались дамы.

– Грех-то какой!

Дверь кондитерской снова распахнулась, и на пороге появилась дама с горящими от возбуждения глазами и ярким румянцем.

– Вы слышали? – громко поинтересовалась она, не успев отдышаться.

– Да... да... такой ужас! Только что прочли в газете. Чудовищное несчастье! – одновременно, перебивая друг друга, затараторили посетительницы.

Дама подошла к столику, за которым вели беседу о шелковых рубашках.

– Да что они знают, эти газетчики? Вот там написано, что она повесилась на своей косе? – выдала гостя, усаживаясь на стул, услужливо отодвинутый официантом.

На секунду в кафе вновь воцарилась тишина. Каждый невольно представил себе жуткую картину. Но уже через мгновение помещение опять наполнилось гамом. Посетители были так заняты пересудами, что не заметили, как поспешно вышли из кафе те двое, что сидели отстраненно за столиком у окна и не участвовали в общих пересудах.

Глава I

I

Февраль 1881, Санкт-Петербург

Морозным зимним днем прислуга известного петербургского купца Дурдина хлопотала, готовя его семнадцатилетнюю дочь к вечернему балу. Были истоплены печи и грелась вода, чтобы девица могла принять лавандовую ванну, дабы придать тонкий изысканный аромат коже. Пока все вокруг суетились, сама Машенька задумчиво сидела перед зеркалом, расчесывая свои роскошные каштановые волосы. Она всматривалась в отражение, пытаясь найти уверенность в своей женской привлекательности. Нет, недостатка в кавалерах не было, но как было понять, не охотники ли они за богатством отца? На самом деле у девушки было приятное лицо с римским профилем и смыслеными глазами. Это было одно из тех лиц, которые не назовешь особенно красивым, но которое не могло принадлежать пустому человеку и неизменно притягивало к себе взгляд. Внутреннее обаяние и живой ум светились в глубоких угольных глазах.

Маша встала и сняла тончайший пеньюар, который стек к ее ногам, как будто растаяв от ее нагой красоты. Кончиками пальцев она гладила свою белую шею, тонкие плечи, любуясь отражением стройного девичьего стана.

Вдруг хлопнула дверь. Нянька Манефа принесла еще нагретой воды. Маша вздрогнула, как если бы ее поймали за нескромными мыслями. Манефа бросила на девицу суровый взгляд. Она нянчила эту девочку с рождения и, казалось, видела ее насквозь. Невозможно было определить возраст этой женщины – вечно ворчащая «старушка с рождения». Недовольно бормоча что-то не слишком членораздельное себе под нос, Манефа налила воду в ванну, добавила туда немного молока и привезенный из Ниццы лавандовый эликсир.

Прежде чем помочь Машеньке сесть в ванну, нянька попробовала воду локтем. Она нанесла Марии Андреевне на волосы наструганное туалетное мыло, разведенное с водой, и стала массировать ей голову, взбивая кашицу в пену. Девушка закрыла глаза от удовольствия и полностью расслабилась. Все девичьи тревоги о недостаточной красоте и о более миловидных подругах ушли на задний план. Но пары эфирного масла лаванды от мыла и эликсира, смешавшись, достигли носа Манефы, вызывая нестерпимый зуд. Морща нос, она отчаянно пыталась бороться с позывом чихнуть. Тщетно. Манефа громко чихнула, чем моментально вернула Марию Андреевну из мира грез в реальность.

– От вонища! – безапелляционно заявила Манефа.

– Аромат! Это новое лавандовое мыло! – рассмеялась Машенька и, поевившись, добавила: – Шевелись, Манефа! Зябко!

– От я и баю – вонища! – не сдалась нянька и тут же крикнула в сторону двери: – Федька, неси капиток! И еще воды грей!

Манефа взяла фарфоровый кувшин с горячей водой и начала поливать голову Машеньки. Смывая пену, вода открывала взгляду мокрые, блестящие волосы, которые шелком сползали по плечам и спине.

Вдруг на улице за окном раздались свистки жандармов. Манефа отставила кувшин и подошла к окну.

– Что там? – без особого интереса спросила Машенька.

– Снова околотошные за кем-то гонятся... Нонче бегали уж... – пояснила нянька, одновременно прислушиваясь к звукам снизу.

Дверь в ванную комнату приоткрылась, и через образовавшуюся щель в комнату одно за другим просунулись два ведра с горячей водой.

– Граф Закретский барина спрашивают-с! – раздался из-за двери голос слуги Федора.

– Нету их. На бирже они, – ответила как отрезала Манефа.

– Они еще барышню спрашивают-с, – робко продолжил Федька, сам понимая, что напрасно это затеял.

– Ишь, чего удумал! Барышня не принимают! – возмутилась старуха, захлопывая дверь и тем самым ставя точку в разговоре. Но ворчанье не прекратилось: – Это где это видано, от так к девице без церемоний вваливаться? От ведь нечестивец! Повадился кувшин по воду ходить...

Мария Андреевна с улыбкой наблюдала за нянькиным раздражением. Никто так рьяно не защищал благочестие девушки, как ее старая добрая ворчунья. Машенька знала, что это все от большой, абсолютной любви, которую она с самого рождения знала от своей няньки.

– Ты же слышала, он к папеньке приходил, – попыталась она успокоить старушку.

– Одно распутство! И танцы у вас – греховные! – заведенную Манефу было уже не остановить. – И платья ваши – одна срамота... Надели б нонче на бал облакотное, с кринолином...

Эти заявления совершенно развеселили Машеньку. Она уже предвкушала дальнейшую череду смешных обвинений отсталой от жизни няньки. Девушка закинула еще одну удочку.

– Манефачка, ну что ж там срамного? Силуэт «русалка». Так все сейчас носят, – сквозь хохот пыталась объяснить Машенька, одновременно смывая остатки пены с лица.

– «Бесстыдница» – ентот силуэт. Понапишают себе подушек под хвост и вихляют гузкой перед кавалерами. Тьфу! – зачерпнув воды, нянька даже продемонстрировала, как, по ее мнению, дамы виляют тем самым местом, перед тем как полить девушку из кувшина.

– Это не гузка, старая ты курица, а турнюр, – отсмеявшись, ласково заметила девушка.

Улыбаясь, она собрала длинные, густые волосы, скрутила их в тугий жгут, отжала и соорудила на голове «улитку», заколов ее серебряной шпилькой с жемчужиной. Манефа растянула перед ней простыню и приняла ее в свои объятия, как только та вылезла из ванны. Под весом густой копны шпилька не выдержала и выскочила, дав шикарнейшей шевелюре распасться. Таких волос точно не было ни у одной из Машенькиных соперниц.

Пока Мария Андреевна шутила со своей нянькой, из их дома вышел раздосадованный молодой щеголь. Граф Закретский был породистым красавцем, разбившим в свои юные годы не одно девичье сердце. Он не знал отказов, поэтому, не будучи принятым в доме более низкого сословия, был заметно обескуражен и раздражен.

Он нервно пытался натянуть свои элегантные перчатки из тончайшей кожи, когда мимо него пронеслась тройка. Ямщик в шапке с павлиньим пером с гиканьем и свистом самозабвенно махал кнутом, унося куда-то двух своих пассажиров – жандарма и бледного, явно политического, арестанта. Невозможно было спутать этих идейных юношей чахоточного вида с лихорадочно горящим, воодушевленным взглядом. Было в их виде что-то общее, мученически-безнадежное. Такое же беспросветное, как приближающаяся судьба страны. Закретский проводил взглядом тройку и заторопился прочь. Все происходящее вокруг вызывало у него самые неприятные ощущения. Он предпочел поскорее забыть и о своей неудаче у Дурдиных, и о своем ровеснике-арестанте.

II

Февральским вечером 1881 года в особняке Петра Степановича Елисеева давали очередную бал. Зал для приема «Баккара» был богато украшен цветами и лентами. Своей роскошью он мог сравниться с интерьерами французских дворцов. Аллегорическая живопись, лепнина с позолотой, итальянский камин из белого мрамора, зеркала в дорогих золоченых рамах и уникальные напольные хрустальные торшеры фирмы «Баккара» не оставляли рав-

нодушными гостей дома. Убранство поражало своим блеском и роскошью и было способно вызвать не только восхищение, но и зависть, отчетливо проскальзывающую в злобном шепотке о безвкусице.

Гости бала отчаянно веселились, как будто можно было наесться и натанцеваться впрок перед началом Великого поста в конце февраля. Шампанское лилось искристыми реками. Разгоряченные пары скакали в безудержном галопе. Дамы ослепляли присутствующих своими шикарными нарядами, сверкающими бриллиантами и глубокими декольте. Все сливалось в единый вихрь богатства, шика и упоения жизнью.

После очередного танца раскрасневшаяся Мария Андреевна вышла со своей матушкой отдышаться на внутренний балкон особняка.

– Отец только что был здесь с Григорием Петровичем, – оглядываясь, поделилась с дочерью Мария Исидоровна.

Не услышав ответа, она посмотрела на Машеньку и заметила, что та, не отрываясь, смотрит вниз, в холл, наблюдая за только что вошедшим новым гостем. Прислуга помогала ему раздеться, забирая верхнюю одежду и цилиндр. Перед взглядами матери и дочери предстал юный блондин с глазами невероятно голубого цвета, одетый с иголки в идеально подогнанный по фигуре фрак, белый шелковый галстук, завязанный по последней французской моде, белые перчатки.

В эту же минуту на их глазах вниз по лестнице сбежал граф Закретский. Казалось, он увидел кого-то знакомого на первом этаже, во всяком случае, он очень спешил. Впопыхах молодой человек налетел на пожилого официанта, несущего поднос с полными бокалами игристого. Официант пытался балансировать несколько секунд, но все же уронил ношу, едва устояв на ногах. Бокалы со звоном разбились, немного забрызгав фрак Закретского.

– Черт тебя дерит! – раздраженный Закретский оттолкнул официанта так, что теперь тот свалился навзничь.

Наблюдавший за сценой новый гость бросился к старику, помогая ему встать. Он одарил Закретского уничижительным взглядом, который был встречен полным презрением. Знакомство двух красавцев под аккомпанемент извиняющихся вздохов официанта явно не задалось.

Мать и дочь Дурдины, ставшие невольными свидетельницами неловкой сцены, поспешили в бальный зал.

Голубоглазый блондин легко взлетел по лестнице навстречу спускающейся к нему юной богине, Варваре Сергеевне, по совместительству снохе хозяина бала, который приходился юному джентльмену кузеном. На секунду молодой человек замер, ослепленный то ли ее необыкновенной привлекательностью, то ли ее корсажем, сплошь сделанным из бриллиантов.

– Добро пожаловать, Григорий Григорьевич! С возвращением! – поприветствовала Варвара Сергеевна гостя, делая глубокий реверанс и демонстрируя соблазнительное декольте.

В эту же минуту сверху загромыхал бас отца Гриши.

– Григорий Григорьевич наконец пожаловал! Чуть не к шапочному разбору... – шутливо поддразнивал сына Григорий Петрович за долгие сборы. В свои семьдесят семь, несмотря на купеческую прическу с прямым пробором и окладистую бороду, он выглядел моложе благодаря хитрой искорке в глазах и бодрости, которой мог позавидовать любой молодой человек.

Голос отца привел юношу в чувство, и, ответив на приветствие Варвары Сергеевны элегантным поклоном, он поторопился к Григорию Петровичу Елисееву наверх.

Елисеевы были представителями известной купеческой фамилии и прямыми наследниками основателя семейного бизнеса, экономического крестьянина Ярославской губернии, Петра Елисеева. Вокруг их семьи ходила потрясающая легенда, по которой в 1812 году граф Шереметьев даровал вольную и 100 рублей подъемных своему крепостному крестьянину Елисееву за то, что тот вырастил и подал на рождественский ужин настоящую ароматную землянику, чем и привел в восторг своего барина и всех его гостей. Романтичная история, не так ли?

И вполне соответствовала характеру Николая Петровича Шереметьева, женившегося на своей крепостной актрисе, Прасковье Жемчуговой. Такой поступок был бы вполне в духе этого свободномыслящего человека, покровителя искусств и богатейшего мецената в Российской империи. Был бы, если б граф не умер тремя годами ранее предполагаемого освобождения крестьянина и, самое главное, если б Петр был его крепостным. Однако реальная история ничуть не менее впечатляющая. Как бы сейчас сказали, это история успеха человека, который сам себя сделал. Простой крестьянин приехал с женой и тремя сыновьями в Санкт-Петербург и открыл торговую лавку для продажи вина и фруктов на Невском проспекте. И не было бы ничего примечательного в этом торговце, если бы вместе со своими сыновьями он не развил бизнес до небывалых высот. После смерти отца, матери и старшего брата Григорий Петрович и Степан Петрович продолжили семейное дело, основав всемирно известный торговый дом «Братья Елисеевы». Они построили крепкие деловые отношения со многими международными партнерами. Торговать с Елисеевыми считалось честью для зарубежных предпринимателей. И вот уже для транспортировки колониальных товаров фирмой было куплено три корабля, а на вывесках и этикетках стал красоваться государственный герб России. Это ли не признание заслуг перед Отечеством?

Хозяином особняка на Мойке, 59 и устроителем великолепного бала и был сын Степана Петровича, почившего два года назад. Племянник традиционно приглашал на все свои рауты и балы своего дядюшку, Григория Петровича, и двух его сыновей – Александра Григорьевича и того самого голубоглазого юношу, Григория Григорьевича. Однако Гриша вынужден был пропустить множество мероприятий кузена из-за своего обучения за границей. Отец не скупился, давая лучшее образование детям, особенно последышу, Григорию Григорьевичу, который появился на свет, когда его родителю было уже шестьдесят.

Но хватит истории. Пора вернуться на бал.

Григорий Петрович решил представить младшего сына семейству старого друга и делового партнера Андрея Ивановича Дурдина. Он дождался, когда Машенька закончила кружиться в очередном танце, и направился к ним в сопровождении сыновей. Семьи, кроме младших своих членов, хорошо знали друг друга и даже дружили, поэтому встреча была радушной, почти родственной. Только щеки Марии Андреевны пылали чуть больше, чем обычно после галопа.

– Андрей Иванович, дамы, позвольте представить вам моего младшего сына, Григория Григорьевича. Гриша, это супруга и дочь нашего уважаемого Андрея Ивановича – Мария Исидоровна и Мария Андреевна, – затем он кивнул на старшего сына: – Александра вы все знаете.

– Григорий Григорьевич, наслышаны о ваших успехах в учебе во Франции, – тут же подхватила Мария Исидоровна.

– Они сильно преувеличены, – галантно ответил Гриша с совершенно очаровательной улыбкой.

– Давно вернулись? – подключился Андрей Иванович.

– Неделю как...

– Не дают вам отдохнуть кавалеры, Марь Андреевна? Ни одного танца не пропустили, – шутливо обратился Григорий Петрович к Машеньке.

– Разве не должно мужское внимание льстить девице? Словно мы не понимаем, что зачастую это всего лишь интерес к кошельку отца... А что, Григорий Григорьевич, далеко нашим раутам до французских? – не растерялась девушка.

– Не сказал бы. Во всяком случае, интерес к кошелькам, видимо, не имеет границ, – рассмеялся Григорий Григорьевич.

Хитрая искорка сверкнула в глазах Григория Петровича, когда он увидел, что диалог у молодых завязался. Он взял под руки Андрея Ивановича и Марию Исидоровну и отвел на пару

шагов в сторону, якобы рассказывая очередную увлекательную историю. Александр Григорьевич деликатно последовал за ними.

– Чем же вы еще любите заниматься, кроме танцев? Музицируете? – продолжил разговор Григорий Григорьевич.

– Да, хотя, пожалуй, несмотря на все уроки, далека от совершенства. Следовало бы жалеть родных и делать это реже...

Молодой человек улыбнулся, оценив самоиронию новой знакомой. Это была не та очаровательно-формальная улыбка, которой он до того момента одаривал собеседников, демонстрируя свои превосходные манеры, а совершенно незабываемая, по-детски обезоруживающая, тут же превратившая его из элегантного джентльмена в задорного мальчишку. Она словно приоткрыла завесу лоска и воспитания, обнажая искреннюю и открытую душу юноши. Быстро опомнившись, Григорий Григорьевич снова напустил на себя серьезность. Но Марии Андреевне хватило тех нескольких секунд, чтобы сильнее забилося сердце от новых, не испытанных ранее чувств.

Объявили мазурку. Мария Андреевна зарделась еще больше. Ей бы хотелось, чтобы Григорий Григорьевич пригласил ее на этот особенный танец, потом отвел в обеденный зал и сидел бы рядом с ней на протяжении всего обеда. Но у Гриши разбежались глаза, высматривая, какую же из присутствующих на балу обольстительниц ангажировать. Казалось, танцевать с Марией ему даже не приходило в голову. Пока он не поймал взгляд своего отца. Со стороны могло показаться, что этот взгляд ничего особенного не выражал. Но каким-то чудом Гриша сразу сообразил, что нужно сделать. Уже через минуту они с Марией Андреевной танцевали мазурку.

Граф Закретский стоял в окружении своих приятелей и лениво потягивал шампанское, наблюдая за парами на паркете. Вдруг он заметил Григория Григорьевича и Марию Андреевну. Он явно не ожидал увидеть их вместе, и сей факт его заметно раздосадовал.

– Это что еще за прыщ? Весь вечер у меня под ногами вертится! – поинтересовался он у товарищей.

– Торговый дом «Братья Елисеевы». Сын владельца. И, кстати, кузен хозяина бала, – прокомментировал один из друзей.

– Неужели вы не пробовали их отменного вина? Не может быть! Они закупают целые урожаи... Между прочим, поставляют ко двору. Видели бы вы их винные погреба на Васильевском – восторг! – подхватил кавалергард из компании.

– Полагаю, денег у них больше, чем в столичной казне. Я бы не стал с ним ссориться, – заметил первый приятель, почувствовав задиристое настроение графа.

– Nouveau riche! Из грязи в князи! Думают, капиталом обзавелись, обучились танцам и могут с нами равняться? – граф был жутко раздражен всеми рассказами, восхваляющими Елисеева.

Словно иллюстрируя его мысли, мимо Закретского по залу прокружилась двоюродная сестра хозяина дома, Мария Степановна. На немолодой грузной даме было надето платье из белых кружев с бордовым шлейфом, на голове – бриллиантовая диадема. Сделав в танце полукруг по залу, она остановилась недалеко от Григория Петровича и Андрея Ивановича.

– Глянь-ка на мою племянницу, – приснул Григорий Петрович, – эка чапурчина на лучине.

Дурдин расхохотался.

Распорядитель бала объявил начало обеда и попросил кавалеров проводить дам в обеденный зал.

III

Обед был накрыт в Золотой гостиной, декорированной в стиле рококо. Воздушность пространства создавалась множеством зеркал, небольшими плафонами «Игры Амуров», золотой лепкой и обилием хрусталя.

Проголодавшиеся гости заторопились к столам.

Мария Андреевна, как и мечтала, сидела рядом с Григорием Григорьевичем. Они мило поболтали весь вечер. Рядом с ними излучали полное удовлетворение родители и с той и другой стороны. Союз двух крупных капиталов через брак наследников был бы безусловно выгоден обеим семьям. Но трепетно любящие своих детей, они не посмели бы настаивать в случае хоть какой-то неприязни между молодыми. К их обоюдному счастью, неприязню там и не пахло.

Единственное, что не ускользнуло от пронизательного глаза Григория Петровича и немного омрачало предвкушение радости, – это редкие взгляды, которые бросал Григорий Григорьевич на других красавиц. Эти взгляды скользили по богатому убранству зала, нарядам гостей, изысканным блюдам, сверкающим бокалам и почти не задерживались на девушках. Разве что только на секунду... и тут же бежали дальше. Однако старого лиса невозможно было обвести вокруг пальца. Больше «шкандалей» в семействе Григорий Петрович допустить не мог! Достаточно было того срама, что учудила дочь Мария. Уехала лечить больного мужа за границу и потеряла голову от его смазливового доктора, Франца Гроера. Справедливости ради, нужно отметить, врач был образован, интеллигентен, обладал великолепным голосом и был весьма обходителен в манерах, так что женщине устоять было сложно. Но не разводиться же с мужем! Порядочные женщины так себя не вели. Разводы крайне осуждались обществом. Вторые браки встречались часто, но по причине вдовства, как правило. Нужно ли говорить, что семья от поступка Марии была в шоке.

В бальном зале вновь заиграла танцевальная музыка. Сытые гости потихоньку потянулись назад в зал «Баккара».

Когда Машеньку пригласил на танец очередной кавалер, Григорий Петрович нашел брата. В тот момент, когда они решили вернуться к отцу, который все еще сидел в компании Дурдиных за обеденным столом, на них наткнулся проходивший мимо Закретский.

– Щегол! Parvenu! – процедил сквозь зубы Закретский, почти задев Гришу плечом, что было неслыханной дерзостью.

– Excuse moi? – Григорий Григорьевич побледнел и был намерен выяснить отношения с обидчиком: – Сударь, вы что-то сказали?!

Но Закретский уже повернулся к нему спиной и явно игнорировал соперника. У Григория Григорьевича заходили желваки. Александр Григорьевич, оценив ситуацию, взял юношу под руку и отвел в сторону.

– Гриша, успокойся, – очень тихо, почти шепотом, попросил он.

Казалось, Григорий Григорьевич не слышал. Он пытался высвободить свой локоть, но старший брат крепко держал его под руку.

– Ты не слышал, что он сказал! – возмутился Гриша.

– Возможно, он не самый приятный здесь человек, но у него весьма влиятельные родственники. Прошу, остынь! В конце концов, Петр не заслуживает скандала в своем доме, – тихим, спокойным голосом увещевал Александр Григорьевич.

К последнему доводу Григорий не мог не прислушаться.

Александр был старше брата на 20 лет, и его отношение к Грише было сродни отцовскому. Внешне он был статен и солиден, носил пушистые бакенбарды. Высоким ростом и худощавостью он пошел в отцовскую родню, в то время как Григорий был очень похож на мать,

унаследовав от нее и яркие глаза, и средний рост. В темпераменте братья тоже были полными противоположностями. Александр был всегда спокоен и уравновешен, а в Грише постоянно кипели страсти.

После завершившего бал котильона гостям вручили ценные сюрпризы. Дам одарили браслетами с изумрудами и сапфирами. Кавалерам раздали золотые брелоки. Некоторые гости не расходились после обеда именно из-за ожидания шикарных подарков в конце мероприятия. А некоторым увлекающимся натурам никогда не было достаточно развлечений, они бы продолжали танцевать до самого утра. Рядом с ломберными столами собрались молодые люди, которым хотелось продолжения веселья. Григорий Григорьевич и Закретский тоже оказались в этой компании.

– Господа, поедemте в «Красный кабачок»! – предложил один из мужчин.

Остальные одобрительно загудели.

Григорий Петрович, который со старшим сыном наблюдал за происходящим на расстоянии, не проявлял внешне никаких признаков беспокойства. Однако он все-таки попросил Александра присмотреть за Гришей.

– Сынок, поезжай с ним... А то под носом-то выросло, да в голове еще не засеяно...

Оставив сыновей дальнейшим увеселениям, отец направился к выходу. Племянник с семейством провожали почетного гостя.

– Молодец, Петруша, знаешь толк в ассамблеях! – похвалил Григорий Петрович хозяина дома.

– Благодарю, дядюшка. Рад, что почтили своим присутствием! – с поклоном ответил Петр Степанович.

– Ну, какая ж красавица! А платье-то, платье! Это сколько ж здесь бриллиантов? На них, поди, можно целную Приволжскую губернию купить! – не оставил без внимания Григорий Петрович Варвару Сергеевну.

Девушка засмушалась. Так всегда было с комплиментами от Григория Петровича – то ли похвалил, то ли пожурил.

IV

Вернувшись домой, Машенька горела желанием поделиться своими впечатлениями с Манефой. Она доверяла ей все свои девичьи секреты. Открываться перед подругами она не любила – они могли все высмеять, начать пересуды за спиной или позавидовать. С родителями личные переживания было как-то неловко обсуждать, а вот с нянюшкой – в самый раз. Та хоть и знатная ворчунья была, никогда бы и под пытками секрет Машенькин не выдала и всегда могла дать ценный совет, к которому, кстати, не обязательно было прислушиваться. В общем, она была идеальной собеседницей и плакательной жилеткой.

– Манефачка, ты себе даже не представляешь, какой он! Добрый, умный, красивый, полон жизни... Любит лошадей, говорит на французском, немецком, читал Шопенгауэра, – захлеб описывала она няне Григория Григорьевича.

– Чево читал? – Манефа, конечно, была неграмотна, но она была неглупым человеком. Если б она получила образование, то могла бы заткнуть за пояс многих аристократов.

– Неважно... Ох, Манефачка... Как же теперь жить? А как он танцует! – Машенька витала в облаках, полностью поглощенная своими эмоциями.

Пока они болтали, Манефа расшнуровала и сняла с девицы платье и корсет. Няня надела на нее ночную рубашку, и Машенька села к зеркалу, чтобы Манефа разобрала ее прическу.

– Граф, что ль, ваш? – недовольно спросила Манефа. Не любила она Закретского, считала его скользким и развратным, да и была уверена, что от Машеньки ему нужны только деньги ее отца.

– При чем здесь граф, Манефа? Елисеев, – успокоила ее Машенька.
– Это который? Их, Елисеевых, тьма-тьмуца.
– Сын Григория Петровича.
– А батюшки! Уж не того ли, у которого корабль?
– Корабли, Манефа... но их продали давно.
– Да чай не обедняли... У них вон лавок одних да доходных домов, поди, дюжина. Ох, берегись свекра богатого, как черта рогатого.

– И зачем я сказала ему про Шопенгауэра? – Машенька прокручивала в голове события вечера и уже не слушала няньку.

Манефа взбила подушки на кровати, откинула одею и убрала бутылки с горячей водой, которые грели постель. Машенька нырнула в теплую кровать. Нянька собралась задувать свечи и уходить.

– Подожди! Посиди со мной. Я не смогу уснуть, – Машенька вздохнула, – вдруг я ему не понравилась?

Манефа уселась на край кровати, а Марья Андреевна легла головой няне на колени. Старушка начала гладить ей голову.

– Как же может така краса не понравиться? Тока девка должна быть немка – говорить не умеет, а все понимает... – ласково поучала няня.

Продолжая поглаживать голову Машеньки, она потихоньку стала напевать старинную колыбельную: «на улице дождик ...брат сестру качает... .. вырастешь большая, отдадут ты замуж... отдадут ты замуж во чужу деревню...», как часто делала, укладывая девочку в детстве.

– Видела бы ты, как на него дамы смотрели... Одна другой лучше... Боюсь, со мной он танцевал только из уважения к дружбе наших отцов, – засыпая бормотала Машенька.

V

После бала у Петра Елисеева мужчины перекочевали в кабачок и закутили. Шампанское лилось реками по хрустальной пирамиде из фужеров. На сцене пели цыгане. Откуда ни возьмись появились певички. Они, как воробышки, расселись по мужским коленям. По приветствиям мужчин было понятно, что многие из них были в этом месте не в первый раз. Аристократ и сердцеед Закретский, даже несмотря на пустые карманы, пользовался особой популярностью. На нем мгновенно повисли сразу несколько девочек. Вдруг одна из них заметила Григория Григорьевича.

– Ой, какой хорошенький! – совершенно искренне восхитилась она.

У Закретского перекошило лицо. А девушка встала с колен графа и пересела к Григорию Григорьевичу. Гриша расплылся в своей обворожительной улыбке – и заносчивому мерзавцу щелкнул по носу, и было лестно внимание противоположного пола.

Развлечения продолжались. Мужчины устраивали «римские качели» – раздетую до корсета и чулок певичку перебрасывали из рук в руки.

Под звуки оркестра, играющего туш, официанты вынесли на плечах огромное блюдо, на котором лежала нагая девица, все откровенные места которой прикрывали деликатесы – икра, колбасы, рыба. При виде блюда мужчины повскакивали с мест с криком «Ура!» и стали тыкать вилками в гарнир, выложенный вокруг тела. На его место кутилы бросали деньги, стараясь перещеголять друг друга. Закретский бросил золотой брелок, который получил в подарок на балу. Григорий Григорьевич с удовольствием наблюдал за всем происходящим, но вперед не лез. Постоянно оглядывался на Александра Григорьевича – мол, ты видел это? А старший брат даже в атмосфере разврата умудрялся выглядеть вполне пристойно. Александр периодически поглядывал на часы, хотя понимал, что жена с дочерью уже уснули, не дождавшись его. Вынесли еще шампанского...

Под утро в зал вышел управляющий.

– Господа, надобно-с за ужин и напитки расплатиться!

С трудом раскрывая пьяные глаза, мужчины начали искать оставшиеся деньги по карманам. Военный в эполетах достал купюры из кармана и собрался бросить деньги на стол. Вдруг его руку остановил Закретский.

– Пусть наши толстосумы, Тит Титычи, и платят! Для чего они еще здесь нужны? – громко, явно адресуя Григорию Григорьевичу, заявил он.

Пьяный Григорий Григорьевич вскочил, готовый броситься на наглеца. Александр Григорьевич спокойно отодвинул брата, подошел к Закретскому, достал из кармана туго набитое портмоне. Он медленно вытащил из кошелька толстую пачку денег и начал отсчитывать купюры перед носом графа. Это было красиво! На секунду воцарилась полная тишина. Мужчины и женщины заворожено следили за пересчетом денег. Наконец Александр Григорьевич бросил на стол отсчитанную сумму и обратился к управляющему: «И еще шампанского всем, любезный!» Что вызвало ликование гостей кабачка. Лишь Закретский чувствовал себя униженным.

– Благодарствую-с, барин! Дай вам бог здоровья! – управляющий отвесил низкий поклон Александру. А тот уже отвернулся к брату.

– Поедем домой, Гриша. Утро уже. Я устал.

VI

Ранний, спящий еще Петербург. В феврале солнце в Северной столице встает поздно. Было темно и ветрено. Снег хрустел под колесами экипажа Елисеевых. Гриша пьяный спал на плече Александра. Вдруг он приподнял голову.

– Долго еще? Что-то меня укачивает...

– Любезный, останови! – крикнул старший брат ямщику.

Елисеевы вышли на улицу. Александр глубоко вдохнул грудью свежий морозный воздух. Гриша едва стоял на ногах, съездившись. Цилиндр съехал набекрень, шуба нараспашку.

– Где мы, Саша?

– На Малой Садовой...

Они пошли вдоль улицы. Экипаж медленно ехал рядом. Александр Григорьевич пытался поддержать поскользнувшегося Гришу, но тот выдернул свой локоть.

– Саша, я уже не ребенок! У меня, если хочешь знать, во Франции дама была... знатная, – заявил Григорий Григорьевич, едва ворочая языком. – А Варвара Сергеевна – чудо как хороша! Повезло Степану...

– В чужую жену черт ложку меда кладет.

– А я жениться не стану! Я, знаешь, мечтаю, чтобы предприятие наше прославилось не только в Европе, но и в Америке, и во всем мире! У меня великое множество идей... – продолжал пьяный разговор младший брат.

Вдруг впереди они увидели группу из пятерых человек, которые, слышав фыркать лошади, бросились врассыпную. Среди них была одна девушка – маленькая и хрупкая. Григорий Григорьевич смог на секунду рассмотреть ее детское личико с высоким лбом.

– Барышня! – Гриша был настолько пьян, что, ничего не соображая, резко рванул вслед за девицей.

Александр Григорьевич успел поймать его.

– Не нравится мне все это... Поедем скорее домой! – старший брат был не из трусливого десятка, но тогда он ясно ощутил необъяснимую смертельную опасность.

Он подозвал извозчика и затолкал брата назад в экипаж.

Наконец братья доехали до дома.

Отец уже проснулся и пил чай из блюдца. Рядом дымился самовар. В доме уютно пахло свежеевыпеченным хлебом.

– Хе-хе, сынки, наконец дорогу домой нашли! Гуляй-гуляй, да дела не забывай! Умы-вайтесь, пейте чай и в лавку! А то сегодня гули, да завтра гули – а потом и в лапти обули, – прищурив глаз, стал подтрунивать над сыновьями Григорий Петрович.

Григорий Григорьевич вздохнул, но перечить отцу не посмел.

VII

Приведя себя в порядок, Елисеевы отправились в свою лавку на Невском.

Гриша немного волновался. Ему очень хотелось произвести впечатление в магазине, где его помнили еще ребенком. Перед выходом из дома молодой человек пытался отрепетировать свое появление. Стоя перед зеркалом, он произнес несколько дежурных приветственных фраз, с каждым разом снижая тембр голоса. Результатом Гриша остался недоволен. Ему казалось, что пока он звучит недостаточно солидно. Но сил дальше репетировать в тот день не было, жутко трещала голова после вчерашнего возлияния.

Магазин ломился от колониальных товаров. Там можно было найти лучшие фрукты, вина, сигары со всех концов света. На прилавках было и разное киевское варенье, и крупные пупырчатые финики, и швейцарская сухая дуля, и лучший пармезан по семь рублей фунт. Гурманов ждали вкуснейшие сыры – швейцарские, голландские да английские. В лавке можно было купить бесподобную мадеру и херес. Елисеевым принадлежали предприятия по первичной обработке винодельческого сырья в Бордо, Хересе и на острове Мадейра. Полуфабрикат доставляли в винные погреба негоциантов на Васильевском острове, где он и «воспитывался» до превращения в волшебный напиток. Елисеевские мадера и херес считались в то время наиболее ценными винами.

Да и кто бы летом отказался отведать прохладную, бодрящую, с легкой кислинкой мадеру из виноградного сорта Серсиаль с ломтиком швейцарского сыра вприкуску? Зимой, когда хотелось яркого или пикантного вкуса, были очень популярны более сладкие сорта – из Мальвазии или Террантеша. А сорокалетняя мадера расцветала, как та ягодка, приобретая тонкий, изысканный, нежный вкус. Кстати, мадера стала позже одним из любимейших напитков Григория Распутина, который употреблял ее круглосуточно без какого-либо чувства меры. Но о Распутине поговорим позже, значительно позже. Тогда еще он, тезка младшего Елисеева, был никому не известным подростком.

Гриша прошелся по лавке, оценивающе осматривая раскладку товаров. Отец и старший брат наблюдали за ним с любопытством.

– Надо бы, братец, сигарам не такое сухое место сыскать, – обратился он к приказчику.

– Как угодно-с, Григорий Григорьевич, только свободного места нет-с... – приказчик не спешил исполнять пожелание молодого барина.

– Будьте любезны, сыщите... Здесь у печки слишком сухо для них, – терпеливо объяснял Григорий Григорьевич.

– Да-с... только места нет-с...

– Вот же фрукты рядом с вином...

– А фрукты куда-с? – растерялся приказчик.

– Да вот хотя бы сюда! – Гриша выбежал на центр лавки и показал на пол.

У служащего глаза полезли на лоб. Он никак не мог взять в толк, как можно фрукты поместить в центре зала, где обычно толкуются покупатели.

Александр Григорьевич направился к выходу.

– Я в контору. Проверю документы. Отвечу в Португалию по урожаю будущего года, – сообщил он отцу.

Григорий Петрович пошел проводить сына и остановился с ним у двери, где ни приказчик, ни Григорий Григорьевич не могли их слышать.

– Да-а-а, управитель из него пока никудышный, хоть и правду про сигары-то говорит... Ведь умный, смекалистый, что ж своего добиться не умеет, – немного разочарованно заметил Григорий Петрович.

– Молод еще. Умение с людьми управляться, как правило, с годами приходит.

– И то правда. Умнеют не от хохота, а от жизненного опыта. Для своих семнадцати у него и так ума палата, – пытался успокоить сам себя отец.

– Вы и маменька сами его чрезмерно опекали. Как же стали закалиться в топленом-то молоке? Ничего, сейчас в дело окунется, мигом затвердеет, – с легким укором высказал Александр.

– Эка завернул! С заключечками! Все правда. Баловали его, последыша... Да и как не лелеять, когда уже в старости его народил. Он мне сразу и сын, и внук... – растаял Григорий Петрович. – Ладно, иди с богом. Вечером свидимся.

Александр ушел, а Григорий Петрович вернулся в лавку к младшему сыну. Тот, уже немного выходя из себя, показывал служащему, как нужно выставить прилавок и пирамидами выложить фрукты в центре зала, чтобы привлекать покупателей. Приказчик стоял несколько ошалевший, не понимая, что ему делать.

– И строг ваш приказ, да не слушают вас... – проворчал себе под нос старший Елисеев.

В этот момент Григорий Григорьевич, не выдержав, снял свой элегантный сюртук, закатал рукава белоснежной сорочки и начал сам таскать ящики с фруктами. Приказчик совсем оторопел. Григорий Петрович глубоко вздохнул.

VIII

В храме было тесно от прихожан. Стояли вечернюю службу. Семейство Елисеевых было богобоязненно и исправно посещало церковь.

Все усердно молились. Помимо прописанных псалмов, у каждого посетителя храма были еще свои собственные обращения и просьбы к господу. Григорий Петрович горячо просил мудрости и терпения, чтобы обучать младшего сына делу. Просил вразумить себя и научить, как вовлечь Гришу в управление семейным предприятием. Просил дать Грише рассудительности и благопристойности, чтобы эмоции не владели им полностью. Просил избавить сына от искушений.

После службы уже было собралось уходить, но Григорий Петрович вернулся, чтобы заказать Сорокоуст своей покойной дочери, Лизе.

Александр вспомнил, как тридцать с небольшим лет назад, таким же февральским днем десятилетним мальчиком он стоял у гроба своей красавицы-сестры. Рядом едва сдерживал рыдания ее молодой супруг, Алексей Николаевич Тарасов, который, к слову, даже после своей второй женитьбы был вхож в семью Елисеевых и работал вместе с Григорием Петровичем до самой своей преждевременной кончины. Вспомнился ему также злобный, холодящий душу шепоток: «Уморили, уморили девоньку. Погубили сиротку». Он никак не мог взять в толк, кто же мог убить сестру. Вся семья очень любила Лизу, неожиданный уход которой стал для Елисеевых самой настоящей трагедией. И через тридцать лет не стало понятнее, какая болезнь забрала девушку через несколько месяцев после свадьбы. Отец увековечил память о ней, открыв в ее честь Елизаветинскую богадельню.

Гриша родился много позже смерти сестры, но чтил ее память вместе со всеми членами семьи. Однако любопытство брало свое.

– У меня на службе какое-то странное чувство было... А почему Лиза все-таки преставилась? – тихо спросил он у брата.

– Никто не знает, – вздохнув, ответил Александр.

– Тише вы! Языками что решетом, так и сеют... – шикнула на них мать, Анна Федоровна.

Тут Григорий Григорьевич увидел своего отца с Петром Степановичем и всем его семейством, включая Варвару Сергеевну, которая даже в скромном одеянии с покрытой головой блистала ярче звезд на ясном морозном небе февральского Петербурга.

* * *

На следующий день Григорий Петрович вызвал своих сыновей в контору.

– Ну что, сынки, не хочу, чтобы для вас это было неожиданностью... вот моя последняя воля...

– О, господи! Вы не здоровы? – испугался Гриша.

– От покрова до покрова кашлянул одна... – рассмеялся Григорий Петрович и продолжил уже серьезно: – Тока костлявая не спросит, когда прийти, а дело должно делать. Так вот, Гриша, ты – горяч, малость спесив, неопытен еще, поэтому завещаю наше торговое предприятие пока только Саше...

Григорий Григорьевич оторопел на какой-то миг. Ему с большим трудом удалось справиться с эмоциями и сдержать навернувшиеся слезы.

– Но как же?... Я же... – забормотал он. Гриша всегда знал, что отец готовит его наследовать их торговую империю вместе с братом. В самом страшном сне он не мог себе представить, что отец может так с ним поступить.

– Не горюй, Гриша. Не без штанов остаешься. Я тебе и доходных домов отписываю, и прочего имущества. Но возглавлять семейное дело наравне с Сашей тебе рановато. Будешь пока мне и брату помогать, а там посмотрим, – утешал его купец.

Сказать, что Григорий Григорьевич был в шоке – не сказать ничего. Он был обижен, раздавлен, оскорблен, но спорить с отцом не смел. Гриша посмотрел на брата, словно прося защиты. Александр был не менее удивлен и совершенно не выглядел счастливым. Он уже давно перерос свое тщеславие и не собирался соревноваться с младшим братом, которого в тот момент ему было до боли жалко. Но он тоже не посмел перечить отцу, в глубине души надеясь, что у того за всей этой идеей стоит какой-то хитроумный воспитательный план, что не было далеко от реальности.

Той ночью Григорий Григорьевич никак не мог уснуть после разговора с отцом. Накатывали рыдания. Он утыкался в подушку, чтобы его всхлипывания не разбудили родителей в соседних комнатах. На столике рядом мерцала свеча.

Вдруг истерзанный страданиями Григорий Григорьевич услышал какой-то шорох. Окно растворилось, и морозным ветром задуло свечу. Он поднялся, чтобы закрыть окно, но вдруг увидел у туалетного столика в противоположном темном углу комнаты фигуру в белом. Как будто невеста с фатой на голове. Было слишком темно, и отражения лица женщины не было видно в зеркале.

– Кто вы? Откуда вы здесь? – испуганно спросил Гриша.

Невеста не поворачивалась. Григорий Григорьевич решил подойти ближе. Он медленно приближался к таинственной гостье. Он уже был на расстоянии вытянутой руки, когда вдруг невеста повернулась, и Гриша увидел перед собой свою покойную сестру Лизу в свадебном наряде.

Гриша проснулся от собственного крика. Он был весь в холодном поту. Свеча продолжала гореть на столике рядом с кроватью. Поняв, что это был всего лишь сон, юноша пытался успокоиться. Но сделать это было нелегко. Он чувствовал, что это дурное предзнаменование. Понимал, что это какое-то предупреждение. Но не знал, что конкретно все это значит и чего ему следует опасаться.

IX

Первым весенним днем братья Елисеевы шли по набережной Екатерининского канала на постное чаепитие с Петром Степановичем. Несмотря на все еще зимний морозец, на улице было много прогуливающихся людей.

– Понимаешь, Саша, жизнь рухнула... потеряла всякий смысл...

– Жалеть себя – последнее дело. Возьми и докажи отцу, что ты можешь управлять торговым домом не хуже, чем мы с ним, – давал наставления брат.

– И докажу! Вот увидишь! Всем докажу! – обиженно, кутаясь в шубу, заявил Гриша. – Напрасно мы отпустили экипаж. Первое марта, а весной и не пахнет.

– Давай поторопимся. Петр заждался уж.

– Знаешь, я все вспоминаю, как ты этому Закретскому нос утер! Но это так унижительно, что он нас оскорбляет, а мы не можем его даже на дуэль вызвать, – словно не слыша Александра, продолжал страдать юноша.

Вдруг вдалеке он увидел маленькую, хрупкую женскую фигурку. Ему показалось, он где-то ее уже видел...

– Какая дуэль? Упаси боже! Такими речами ты отцу ничего не докажешь, – пытался отрезвить его брат.

– И все же! Не понимаю, почему отец не получает дворянства. Ведь у него столько наград, он мог бы, зачем же он упрямо остается в купеческом сословии?

В это время на набережную выехал экипаж государя, сопровождаемый семью казаками охраны и тремя полицейскими, следующими за царской каретой в отдельных санях.

– Посмотри на графа Закретского и скажи, честь теперь понятие дворянское? Если слово тебе даст этот граф, ты ему поверишь? А купцу? То-то...

– Государь! Государь! – голосили мальчишки, завидев императорскую карету.

Братья Елисеевы повернулись в сторону кареты, сняли цилиндры и поклонились. Кортёж пронёсся вперед.

– Возможно, ты и прав. Но мне противна сама мысль, что такие, как он, смотрят на меня сверху вниз. Я сделаю все, чтобы получить дворянство! – настаивал юноша.

– Гриша, ну что за ребячество? Тебе бы нужно сосредоточиться на деле...

– Одно другому не мешает! Я буду, как и ты, хозяином нашего торгового дома и стану дворянином. Вот увидишь! Я всем вам докажу!

Едва закончив пламенную речь, Григорий Григорьевич увидел, как та самая хрупкая девушка, которую он где-то уже видел, высоко подняла руку с белым платком и взмахнула им.

Вдруг один из прохожих бросился к царской карете, и в этот же миг раздался взрыв. Лошади испуганно заржали и поднялись на дыбы, едва не опрокинув экипаж. Раненые со стопами попадали на землю. Среди них был и мальчик лет четырнадцати, вышедший из соседней мясной лавки, и казаки с лошадьми из охраны. Полицейские на ходу выпрыгнули из саней и схватили пытающегося убежать оглушенного своей же бомбой террориста. Елисеевы бросились на помощь пострадавшим, но старший брат был уже не так молод и немного отстал. Александр II немедленно вышел из кареты, чтобы помочь поданным. Тогда же Гриша увидел очередной взмах белого платка. Сквозь суматоху и дым он снова разглядел это девичье лицо – почти детское, с высоким лбом. И, словно по команде, один из зевак бросил государю в ноги сверток. Прогремел новый, более мощный взрыв, который отбросил Григория Григорьевича далеко от кареты и полностью раздробил ноги российского императора.

Когда Гришу без сознания принесли в дом, Григория Петровича чуть не хватил удар. Купец метался по дому, не находя себе места, до самого прихода доктора. Фельдшер осмотрел юношу и не обнаружил внешних ран, кроме неглубоких царапин. Однако он не мог исключить

возможность внутреннего кровотечения или ушиба головного мозга, поэтому не решился дать никаких прогнозов. Велел переждать ночь – если к утру больной не испустит дух, значит, есть надежда, что будет жить.

Сразу послу ухода врача мальчишки-газетчики принесли трагическую весть из дворца – в результате полученных ранений Александр II скончался.

Мир Григория Петровича рушился.

Он закрылся в молельной комнате, встал на колени и всю ночь умолял господина не забирать так рано Гришу.

Под утро юноша стал проявлять признаки жизни, что-то бормотать, упоминая в бреду белый платок. Иногда он кричал, что там мальчик, государь, и словно пытался кого-то остановить. Его мать всю ночь просидела с ним рядом, меняя мокрые компрессы у него на лбу.

Рано утром в комнату пришел Александр, который почти до рассвета был с братом и матерью. Анна Федоровна отправила его поспать, чтобы потом сменить ее.

– Как он? Лучше?

– Бредит...

Анна Федоровна начала всхлипывать. Старший сын обнял ее.

– Если б мы только не отпустили экипаж...

– Не кори себя, сынок. Знал бы, где упадешь...

– Идите, отдохните. Я с ним побуду.

Вскоре Григорий Григорьевич пришел в себя. Родные некоторое время скрывали от него печальные новости про императора. Но долго такие известия не утаишь, и, узнав о смерти государя, Гриша погрузился в глубокую депрессию.

Почти целый месяц он был слаб и не мог встать с кровати. Так и осталось загадкой, было ли это следствием ушиба мозга или нервного потрясения, которое ему пришлось пережить. Возможно, впрочем, того и другого вместе.

Х

Смерть Александра II стала настоящим горем для его верноподданных, которые ценили его как великого правителя и реформатора. В конце концов, именно он двадцать лет назад отменил крепостное право. Ни один другой монарх не сделал столько для простого народа, не зря его именовали Александром Освободителем. История не знает сослагательных наклонений, но проживи царь еще четыре дня, в Государственном Совете состоялось бы обсуждение конституционного проекта, и тогда у страны могло быть совершенно другое будущее. Но народовольцы не дали нам возможности узнать эту версию развития событий. Убийство Александра II стало одним из тех поворотных событий, которые предопределили дальнейшую судьбу России.

Григорий Петрович, как и большинство других купцов из его гильдии, воспринял эту смерть как личную утрату. Особенно учитывая ту милость и признание своему делу, которое они получали из дворца. На подлиннике Устава первого акционерного банка в России, который основали Елисеевы, Александр II собственноручно написал: «Быть по сему». Сам Григорий Петрович не мог стать управляющим, поэтому был членом правления банка. Но это не меняло дела. Немногим позже торговый дом Елисеевых «за многолетний полезный труд на благо Отечества» удостоился высочайшей милости именоваться «поставщиками двора Его Императорского Величества» и размещать на своих этикетках знаки государственной символики Российской империи. Подобную поддержку получали и другие успешные предприниматели. Для увековечения памяти Александра II они решили построить больницу.

– Получено высочайшее разрешение основать благотворительное учреждение, имеющее целью попечение о больных из бедного класса людей в честь увековечения памяти невинно-

убиенного государя, Александра II... Однако собранных средств, 160000 рублей, хватит лишь на барак с амбулаторией, – заявил оратор на купеческом собрании.

Зал загудел.

– Необходимо организовать сбор средств... – продолжал все тот же выступающий.

– Надо распространить подписной лист... – пробасил из зала Григорий Петрович.

– Григорий Петрович, не возьмете ли вы это на себя?

– Отчего же не взять? – пошептавшись со старшим сыном, ответил купец. – Заварили кашу, так не жалейте масла. И нужно избрать временный комитет для использования полученных средств.

Зал шумно обсуждал предложение, затем было выдвинуто предложение назначить председателем Александра Елисеева. Григорий Петрович явно не показывал, но был безумно горд своим старшим сыном. Оставалось еще Гришу до ума довести.

– Благодарю! Это большая честь! – согласился Александр Григорьевич.

Пока старший сын занимался новой больницей, Григорий Петрович решил привлечь младшего к делам своей Елизаветинской богадельни. Ему не столько была нужна помощь, сколько хотелось вытащить Гришу из депрессии, в которой он пребывал со дня убийства государя.

– Хватит, Гриша, хворать! Просыпайся и поедem в богадельню. Я затеял реконструкцию. Саша занят устройством больницы. Растеряев в отъезде. Да и хлопот у него сейчас полно из-за свадьбы дочери. Помнишь Агриппину? Собралась замуж за аристократа. Не хочется перед дворянами в грязь лицом упасть... Богадельней заняться сейчас плотно некому. Кажется нам с Григорием Сергеевичем, что тамошний приказчик шельмует, – да пока не смекнули, как и где... А в пятницу нас Дурдины на чай зовут, – разбудил Григорий Петрович сына, который в обеденное время все еще лежал в кровати.

Гриша покорно собрался и поехал с отцом в богадельню.

Григорий Петрович мысленно ругал себя, что раньше ему не нравилась пылкость и страстность сына. Теперь же было больно смотреть на потухший взгляд молодого человека. Казалось, ничего ему более не интересно, ничто его более не трогает. Даже яркий цвет его голубых глаз будто потускнел.

– Сынок, ты то бредил, теперь все молчишь... Поговорил бы с отцом... – попытался Григорий Петрович завязать разговор, пока они ехали в экипаже.

– Я просто не понимаю – за что?

– Ты про государя?

– Да, я не понимаю... Столько реформ – образовательная, судебная, земская... отмена крепостного права... разве народ хотел этого убийства?

– А при чем здесь народ?

– Они же народовольцы...

– Гриша, бандиты и душегубы они. Что знают они о народе? Ты посмотри, кто там, – все избалованные дитятки дворян да аристократов. Все от безделья и безнаказанности, сын. Да ежели б они о людях простых думали, разве они б бомбы в них кидали? Посчитай, сколько людей невинных убито ими в попытках умертвить государя. Или их «великая» идея стоит всех жизней, что они отобрали? А мальчик тот, разорванный бомбой? Тщеславие и гордыня – вот что ими движет. Не более. Такие только силу понимают. С ними по-доброму нельзя. От ту дармоедку Засулич пожалели, оправдали, с тех пор все и взяли моду на помазанника Божьего и правительство покушаться. Как этому можно оправдание сыскать? Убить-то легко, а на душе каково?

– Отец, но вы же со своими служащими добры...

– Я строгий, но справедливый, за то и любят. Напрасно никого не обижу, но трутней да воров терпеть не стану. Мигом приструню. Не будь слишком мягким – сомнут, не будь слишком жестким – сломают.

– Где ж сыскать баланс? – задумался Гриша, а потом резко переключился: – А можно я сам приказчика на чистую воду выведу?

– Попробуй. Тока запомни, сила не в тявканье. Вот дед твой, бывало, так без единого слова взглянет, аж до костей проберет... За болтовней суть теряется. А не справишься в этот раз, так от ошибки волдырь не вскочит. Получится в другой, – успокоил Григорий Петрович сына, похлопав по плечу.

Так за разговорами и доехали до богадельни. Гриша стал как будто немного возвращаться к жизни.

Здание было окружено строительными лесами. Там всю кипела работа. Тут же к экипажу подбежали инженер с чертежами и приказчик, словно кто-то их предупредил о приезде попечителя.

Для начала обошли стройку.

– Численность призываемых может быть увеличена-с до ста человек. Там будут комнаты-с для ваших бывших служащих и их престарелых вдов-с, как вы хотели-с, Григорий Петрович... – докладывал приказчик.

Григорий Петрович внимательно слушал и кивал. Но эта сосредоточенность не мешала ему как бы невзначай проверить крепость лесов, пересчитать мешки с песком, убедиться в наличии навеса от дождя.

– Спаси Христос, благодетель! – низко кланяясь, благодарили Елисеева старушки – обитательницы богадельни, которые выползли на улицу, прослышав о его приезде.

Закончив осмотр на улице, Елисеевы с приказчиком и инженером пошли в контору. Пока Григорий Петрович и служащие рассматривали чертежи, Гриша взял документы со стола и стал их изучать.

– М-м-м, отборную крупу закупаете для богадельни, – обратился он к приказчику.

Тот распрямился от чертежей и немного покраснел, словно чувствуя подвох.

– Да-с, стараемся-с...

– А не затруднит вас, любезный, показать мне ее? – Гриша был спокоен и любезен.

Служащий оглянулся на Григория Петровича, словно ждал подтверждения приказа. Тот внимательно рассматривал чертежи архитектора Гребенки, словно и не слышал разговора.

– Как прикажете-с... – приказчик удалился.

Когда служащий вернулся, вид у него был несколько растрепанный. В руке он нес кружку с крупой. Григорий Григорьевич едва бросил взгляд на крупу.

– Прекрасно. Действительно отборная. А теперь отведите меня в кладовую, – приказал Гриша.

По тому, как приказчик покрылся красными пятнами, стало все понятно. Но Елисеевы все-таки пошли в кладовую.

Практически из-под ног Григория Григорьевича с писком выскочила мышь и умчалась в нору. Гриша подошел к мешкам, зачерпнул крупу в ладонь, поднес к свету. Крупа была грязная, мелкая. Совершенно не отборная. Григорий Григорьевич пристально посмотрел на служащего. Тот скукожился, разве что под землю не провалился.

– Когда я завтра сюда приеду, здесь будет отборная крупа и мышеловки. Все остальные продукты тоже будут отличного качества, в соответствии с документами. Это ясно? – спокойно, но жестко приказал младший Елисеев.

– Ясно-с. Как прикажете-с. Все будет-с высочайшего качества-с! – бормотал служащий.

– А теперь покажи-ка мне доски для стройки, – строго велел Гриша.

Он вышел из кладовой. За ним засеменял служащий. А Григорий Петрович проводил сына довольным взглядом.

XI

В доме Дурдина ждали к чаю Елисеевых. На большом столе важно пыхтел начищенный до блеска самовар-генерал, хороводом вокруг него шли тонкие, почти прозрачные приборы из сервиза Императорского фарфорового завода. Стол ломился от разнообразной выпечки и сладостей – пироги с разными начинками, крендели, калачи, пряники, пастила, мед. Стопки блинов мирно соседствовали с изысканными упаковками конфет от «Абрикосов и сыновья», «Жорж Борман» и «Эйнем».

Гости не заставили себя ждать. Григорий Петрович пришел с младшим сыном, со своей племянницей Марией Степановной и ее мужем, Федором Николаевичем Целибеевым. Мария Андреевна села за рояль сыграть гостям Шопена. Манефа хлопотала у стола.

Пока Машенька играла, подали чай, который все пили на светский манер, из изящных фарфоровых чашек. Только Григорий Петрович по старинке использовал блюдце. Он не был ретроградом, осуждающим все нововведения, но за собой всегда оставлял право следовать традиции. Чужое мнение его совершенно не волновало. Он любил пить чай из блюдца и никогда не изменял этой своей привычке, хотя детей и родственников следовать его примеру не принуждал. Григорий Григорьевич по недавно приобретенной за границей привычке пил чай на английский манер, с молоком.

Григорий Петрович был знатным рассказчиком. Он из любой истории мог создать захватывающий сюжет. В этот раз за столом он рассказывал про недавнюю поездку с Гришей в богадельню.

– ...и Гриша говорит, а пройдемте-ка в кладовую... – он сделал драматичную паузу, откусывая кусочек сахара и отхлебывая чай.

– А там? – Марии Степановне не терпелось услышать развязку.

– А там мышь гнилую крупу доедает! – выдал Григорий Петрович.

Все рассмеялись.

Пока отец развлекал компанию, Григорий Григорьевич взял полистать газеты. На первой странице он увидел портреты повешенных за убийство Александра II. Среди них была та самая девушка с детским личиком и высоким лбом – Софья Перовская, которую впервые он мельком встретил, возвращаясь с Александром из «Красного кабачка». События первого марта снова встали перед глазами Гриши. Убитый мальчик, окровавленный государь, раненый террорист, который бросил вторую бомбу. Что заставило привлекательного парня с кошачьими глазами совершить этот зверский поступок? Его, кстати, не повесили. Он скончался от взрыва своей же бомбы почти в то же время, что и государь. Грише на глаза попала статья с прошением Л. Н. Толстого и других представителей интеллигенции помиловать убийц. У Григория Григорьевича зазвенело в ушах, подкатил приступ тошноты. Он побледнел и отложил издание в сторону, пытаясь не привлекать к себе внимания.

– Так на завтра крупа в богадельне уже была отменная, – весело продолжал рассказ Григорий Петрович.

Мария Андреевна закончила музыкальную пьесу и села на отведенное ей место рядом с Григорием Григорьевичем. Девушка сразу же заметила его бледность.

– Вам нехорошо? – тихонько спросила она.

– Душно немного... – ответил он.

– Папенька, можно мы с Григорием Григорьевичем пойдем воздухом подышим? – спросила Машенька отца, чем ввела его в замешательство.

За столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Не пристало незамужней девице с юношей гулять. Гриша тоже был удивлен. Он совершенно не имел в виду совместную прогулку. Но такая смелость была ему по вкусу. Он даже немного отвлекся от своего состояния.

– Прекрасная идея! Я тоже с вами пройду. После всего этого изобилия мне необходим глоток свежего воздуха! – спасла положение Мария Степановна.

Все расслабленно выдохнули.

После того как Гриша и дамы удалились, Григорий Петрович поделился с Дурдиным, что сын еще не совсем оправился от всего произошедшего.

Григорий Григорьевич с Машей под присмотром кузины гуляли по Невскому. Машеньке захотелось побывать в лавке Елисеевых, и, несмотря на то, что магазин уже был закрыт, вся компания направилась туда.

Приказчик проводил важных гостей в помещение лавки, где на столе красочным взрывом пестрели апельсины, киви, персики, манго, маракуйя. Тут же пришедших окутало райским сладким ароматом. Служащие, стоявшие вокруг столов, перебирали фрукты. Хорошие плоды клали в корзины, которые затем относили в кладовую. Фрукты, потерявшие товарный вид, оставляли на столе и съедали.

– Они едят фрукты? – удивилась Машенька.

– Да... это час поедания фруктов, – объяснил Гриша. – Мой дядя, Сергей Петрович, очень ратовал за качество товара. На наших фруктах не должно было быть ни пятнышка, ни червоточинки.

Мария Степановна кивала в знак подтверждения.

– А разве нельзя их просто выбросить?

– Кто-то может увидеть и пустить слух, что у Елисеевых «продукт испортился»...

– Ой, мне так нравится! И что, все едят? И приказчики, и подручные? – Марию Андреевну этот ритуал привел в полный восторг.

– Все... – заулыбался Григорий Григорьевич.

– А можно мы тоже сейчас... поедим?

– Конечно!

– Только без меня! – заявила Мария Степановна, которая не в силах была впихнуть в себя что-то еще после всех съеденных сладостей в доме Дурдиных.

Григорий Григорьевич и Мария Андреевна с удовольствием присоединились к поеданию фруктов. Им это казалось необыкновенно забавным. Сначала они пытались сдерживаться, чтобы не смущать служащих, потом начали улыбаться, а затем и вовсе расхохотались, глядя друг на друга. Мария Андреевна откусила кусок персика, и его сок стекал по ее подбородку. Заливаясь смехом, она вытирала сок рукой. Машенька была очень привлекательна и непосредственна в этот момент. Ее смех и раскрепощенность словно заморозили Гришу. Он поймал себя на мысли, что, если бы вокруг не было людей, он бы попытался поцеловать ее. Мария Степановна, уловив искры, летающие между молодыми, предложила возвращаться домой.

– Представляете, если б мой папенька ввел час выпивания несвежего пива? – расхохоталась Машенька на обратном пути.

Все трое вернулись к Дурдиным в чудесном расположении духа.

Гостей стало больше. Пришли старшие дочери Андрея Ивановича с мужьями и старший сын, Иван Андреевич. К ужину подъехали Петр Степанович с сыном и невесткой. Варвара Сергеевна была, как всегда, необыкновенно хороша. Она полностью осознавала силу своих чар и вела себя с королевским достоинством. Гриша, как джентльмен, ухаживал за кузинами и дочерьями хозяина, совершенно забыв про Машу.

Светлая улыбка на лице Марии Андреевны, с которой она вернулась с прогулки, постепенно исчезала с ее лица, вместе с Гришиным интересом к ней.

Гости разошлись.

Машенька вернулась в свою комнату, бросилась на кровать и разрыдалась, как в каких-то дешевых романах. Манефа пыталась выяснить, в чем дело. Но из бессвязных обрывков ничего не могла понять. Няня обняла свою девочку и крепко прижала к себе.

– Будет, будет... девичьи слезы – аки роса на восходе солнца... Завтра и не упомнишь, о чем горевала...

ХII

Винные погреба Елисеевых давно славились по всему Петербургу. Это было невысокое, но очень протяженное здание, в котором хранились огромные дубовые бочки, на семьсот ведер каждая, для созревания вина. Каждый сорт – в отдельном помещении, с индивидуально подобранными условиями.

Гриша с отцом приехали в подвалы отобрать вина для очередной выставки. Прошло два года с момента убийства Александра II. Григорий Григорьевич полностью вернулся к жизни. Он стал незаменимой опорой в делах для отца и старшего брата.

– Сколько ж вы, братец, сегодня бутылей разлили? – просил Григорий Петрович у рабочего.

– Около дюжины тысяч-с, барин.

– А ну-ка плесни на пробу...

Работник, сидящий у бочки, собрался было налить вина в железную кружку, но тут же подскочил приказчик с двумя хрустальными бокалами. Григорий Петрович наблюдал за Гришей, пока тот прокручивал вино по хрусталу, давал ему стечь по стенкам, рассматривал на свет, изучал аромат и только потом сделал глоток. У Григория Григорьевича был прекрасный вкус, которому отец безоговорочно доверял.

– Как? Ежели на выставку в Лондон? – полюбопытствовал Григорий Петрович.

– Рановато... пусть еще «повоспитывается»... – выдал свое заключение сын, взяв стакан воды и прополоскав рот.

Так они прошлись по нескольким помещениям, выбирая вино. В итоге сошлись на нескольких бутылках.

Пора было возвращаться в контору. На улице стояла теплая, солнечная погода, и Елисеевы решили прогуляться через Биржевой сад. После открытия навигации в саду яблоку некуда было упасть от торговцев всяких мастей, приплывших из дальних стран. Чем только они ни торговали – и говорящими попугаями, и вертявыми обезьянами, и прочими диковинными животными. Пока Григорий Петрович рассматривал очередную неведомую зверюшку, Гриша делился с ним своими новыми идеями по устройству дела.

– Если б объединить объемы стеклотары для вина с Дурдинскими для пива, то можно было б торговать лучшую цену...

– Светлая ты голова, Гриша! Тока бутылки-то разные... – задумался Григорий Петрович.

– Так дешевые сорта вина можно и в тару попроще разливать, – у сына на все был готов ответ.

Вдруг Елисеевы увидели идущих им навстречу Андрея Ивановича Дурдина с женой, Машей и, неожиданно, Закретским. Дурдин и Елисеевы раскланялись. Мария Андреевна пряталась под зонтиком, закрываясь от солнца, и то ли действительно не видела Елисеевых, то ли очень была увлечена говорящими попугаями.

– Ты ж глянь на эту шельму! Всюду вхож, как медный грош! – прошелся Григорий Петрович по графу.

Григорий Григорьевич был взбешен. Он и сам не очень понимал, была ли это ревность или он просто терпеть не мог Закретского per se. Заморские диковинки были ему больше не в радость, и они с отцом пошли в контору. Всю дорогу Гриша возмущался: Мерзавец! Пройдоха!

В конторе Григорий Петрович призвал в помощь старшего сына, дабы успокоить Гришу. Уж слишком бурной была его реакция на увиденное. В конце концов, ничего смертельного не произошло. Дурдины могли прогуливаться сами по себе, а Закретского встретить случайно.

– Саша, поговори с ним – слово толковое стоит целкового...

Сам отец ушел наверх, где располагались его жилые комнаты, оставив сыновей вдвоем. Александр Григорьевич оторвался от бумаг.

– Что случилось?

– Только что встретили Дурдина с дочерью и Закретского. Я не мог поверить своим глазам! – продолжал возмущаться Гриша.

– Куда же Андрей Иванович смотрит? Обидно, что и Машенька-то этому прохвосту не нужна. Ему важно финансовое состояние поправить. У него ж в одном кармане сочельник, в другом чистый понедельник, – задумчиво рассуждал Александр. От все больше и больше походил на своего отца. Тоже стал изъясняться присказками да прибаутками.

– Да он за грош с колокольни соскочит! Надо Машу спасать! – вот и Гриша тоже подхватил этот поговорочный марафон. Кровь – не вода все же.

– Обещай, что ты не будешь с ним связываться! Это было бы крайне неразумно! В конце концов, Андрей Иванович далеко неглупый человек, он знает, что делает, – строго потребовал от брата Александр.

– Ты прав... Закретского я не трону... – Григорий Григорьевич явно что-то задумал.

Александр, возможно, нужно было разобраться, что затевает Гриша. Но ему было некогда. Надо было проверить бумаги по сегодняшним поставкам сыра и сардин. Ему хотелось закончить дела побыстрее и вернуться домой к жене и дочке. На правах старшего сына он и так практически жил жизнью отца и младшего брата. Иногда он немного завидовал сестрам, которые повыходили замуж и теперь жили своими семьями, изредка навещая родителей. Тем более, раз Гриша сказал, что не тронет Закретского, значит, так и будет. В среде купцов словами просто так не бросались. Купеческое слово было дороже любого договора.

ХIII

После прогулки с Дурдинами, которых Закретский встретил совершенно неслучайно, а намеренно их подкараулил у Биржи, – он отправился к своему дяде попросить денег, чтобы закрыть очередной картонный долг. Влиятельному родственнику пришлось обивать пороги и просить за нерадивого кутилу, чтобы того не отправили за решетку.

– Это был последний раз, Всеволод, когда я за тебя хлопотал, – раздраженно отчитывал дядя племянника, давая ему солидную пачку денег. – Хотя бы в память о своей бедной матери, возмись за ум! Довольно играть! Иначе завтра ты очнешься в долговой яме, как твой отец.

Закретский потупил глаза, словно ему было семь лет и он нашкодил в школе.

– Я лишь хотел отыграться и расплатиться с долгами...

– Довольно! Либо ты остепенишься, женишься, либо забудь ко мне дорогу.

– У меня есть кое-кто на примете... дочь купца Дурдина...

– В твоём положении на достойную партию из нашего круга рассчитывать не приходится. Герб, значит, позолотишь, – устало, но уже более спокойно отреагировал дядя. – Купчиха – так купчиха.

– Так я завтра же и попрошу руки и сердца, – радостно пообещал молодой гуляка. Он боялся, что родственники не одобряют подобный союз. Он и сам был унижен тем обстоятельством, что вместо достойной жены ему придется опуститься до этих торгашей. Но деваться было некуда. Да и родне он так надоел своими финансовыми проблемами и загулами, что они были рады пристроить его куда угодно.

– Да уж поторопись, потому что в следующий раз я за тебя долги отдавать не стану.

* * *

Тем же вечером Григорий Петрович ждал, пока подадут обед, просматривая газеты. Пришел Григорий Григорьевич, сел рядом.

– Эдуард Мане почил, – поделился Григорий Петрович прочитанной новостью с сыном, – что за год? Сначала Вагнер, а нонче Мане. У Степана вроде был он в коллекции... Теперича цены взлетят.

Гриша совсем не слушал отца.

– Отец... Не могли бы вы поговорить с Андреем Ивановичем? – довольно робко начал он.

– О чем? – Григорий Петрович был уверен, что Гриша опять заведет речь про бутылки для вина и пива.

– О Марии Андреевне... у меня к ней чувства... – очень тихо ответил сын. Он словно стеснялся того, что говорил.

– Уверен? Не рано? Молодо-зелено, погулять велено, – Григорий Петрович отложил газеты в сторону. С одной стороны, он был очень рад. Об этом союзе они с Андреем Ивановичем мечтали уже несколько лет. Но с другой стороны, если это необдуманное, внезапное порыв, то как бы позже не было какого «шкандаля»...

– Уверен, – ответ Гриши звучал убедительно.

Вошел слуга. Принес письмо Грише. Молодой человек вскрыл послание и прочел про себя. Это было признание в любви от какой-то незнакомки. Юноша растерялся. Почерк был незнакомый, не было ни подписи, ни инициалов. Как же так? Как только он принял столь серьезное решение, тут же начались искушения. Гриша стал перебирать в голове возможных претенденток. На балах было много дам, которые заглядывались на него. Он был уверен в себе и знал, что получил бы любую девушку, которую бы захотел. Но, не имея явных привязанностей, Гриша был готов принять выбор отца. Тут вмешались Закретский с Машей. Ему показалось, что раз он испытывает сильнейшую ревность, значит, у него есть чувства к Марии Андреевне. Да и брак этот был бы выгоден для их предприятия. То есть отличное решение со всех сторон. А что если письмо написала сама Маша? Это было в ее характере. Она была смелая и решительная. Но отчего же не подписалась тогда?

– Что там? – Григорий Петрович с любопытством наблюдал за сменяющимися друг друга эмоциями на лице сына.

– Так... пустяки... – немного краснея, отмахнулся Гриша.

– И выбор добрый, и для торгового дома слияние капиталов не лишне... Но не хотелось бы мне с другом рассориться из-за твоей поспешности. Подумай еще. Ежели через месяц не передумаешь, я стоворюсь с Андреем Ивановичем, – вернулся к важной теме отец.

– Я от своего решения не отступлюсь, – твердо заявил Гриша, убирая письмо в карман.

XIV

Дурдины долго готовились к свадьбе.

И вот, наконец, от их дома отъезжал «постельный поезд» с приданым, состоявший из пяти подвод. В первой подводе везли икону и самовар, рядом с которым сидел мальчик-блюжник. Он держал в руках завернутый в шелк поднос с пачкой чая. Особым украшением была огромная сахарная голова с повязанными разноцветными лентами. На второй подводе восседала крестная мать Марии Андреевны, держащая позолоченную солонку Фаберже. С ней ехала фарфоровая посуда. На третьей и четвертой подводах перевозили постель, мебель и ковры. В последней, пятой подводе была готова к отправке тетка Марии Андреевны. У нее в руках трепыхалась живая индюшка в чепчике. Андрей Иванович забрал у тетки список всего приданого

и прошелся с проверкой по всем подводам. Закончив, он дал отмашку – и «постельный поезд» тронулся с места.

Пока отец занимался приданым, Мария Андреевна примеряла шикарное свадебное платье в своей комнате. Вокруг нее крутились две портнихи, подкалывая ткань булавками. Мария Исидоровна наблюдала за примеркой и подгоняла белошвеек. Ей казалось, что платье тянет то с одной, то с другой стороны.

Манефа принесла переданную невесте жениху шкатулку.

Мария Андреевна бросилась к няньке, чуть не порвав платье. Мать тоже подошла посмотреть на подношения жениха – черепаховый гребень с драгоценными камнями, кольцо из дорогого жемчуга и золотой крестик фирмы Фаберже.

Дамы ахнули от восхищения.

Мария Андреевна достала крестик и прижала его к сердцу.

– Это будет мой оберег! Он всегда будет со мной!

Только Манефа не рассматривала драгоценности. Она смотрела на Марию Андреевну в подвенечном платье и тяжело вздыхала.

– Красуйся краса, пока вдоль спины коса: под повойник попадет – краса пропадет... – едва сдерживая слезы, бубнила под нос она.

– Сколько можно причитать, Манефа? Я знаю, что буду счастлива! – Маша обняла няньку, которая никак не могла смириться, что ее девочка выросла.

* * *

Это был один из красивейших весенних дней. Яблони стояли невестами в бело-розовой фате цвета. Празднично звонили колокола. Вокруг церкви толпились нарядные гости.

В храме шло венчание. Священник крестообразно ознаменовал венцом невесту и дал поцеловать ей образ Спасителя. Шлейф платья невесты держал десятилетний Митя, один из многочисленных детей большого семейства, объединяющего в себя теперь несколько купеческих кланов.

– Венчается раба Божия Мария рабу Божию Григорию, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

В тот самый момент, когда священник возложил венки на голову Марии Андреевны, вдруг непонятно откуда взявшееся дуновение ветра заколыхало пламя ее свечи и на глазах изумленных свидетелей свеча в руках Маши, потухнув, согнулась пополам. На секунду в храме воцарилось гробовое молчание. В следующее мгновение по рядам гостей пополз тревожный шепот – «плохой знак». Мария Андреевна растерялась.

Александру Григорьевичу на секунду показалось, что вместо Марии Андреевны он видит свою сводную сестру Елизавету. У нее точно так же во время венчания потухла свеча. А через несколько месяцев она умерла. Он схватился за сердце и вышел из храма.

Гриша спокойно отдал Маше свою свечу и взял себе другую, которую ему уже протянул Григорий Петрович. Он взял невесту за руку и посмотрел в глаза. Мария Андреевна почувствовала, что пока она с Гришей, никакая беда ей не страшна.

XV

Вечером с небывалым размахом был устроен бал по случаю венчания Григория Григорьевича и Марии Андреевны. Зал «Баккара» в доме на Мойке с трудом вмещал всех многочисленных гостей и членов двух больших семей.

Степан Петрович проводил Варвару Сергеевну к столу. Ей не здоровилось, и она не была расположена танцевать.

– Позвольте предложить вам бокал шампанского? – стал ухаживать за невесткой хозяина дома тот самый мальчик Митя, который был пажом невесты на венчании.

– Если вас не затруднит... Здесь так душно... – обмахиваясь веером, подыграла ему Варвара Сергеевна.

– Вы сегодня обворожительны, – не унимался мальчуган.

– Мне кажется, вы буквально на прошлой неделе были влюблены в Наталью Павловну... – Варвара Сергеевна даже немного повеселела.

– Что вы! Это была не любовь, лишь мимолетное увлечение, – нашелся Митя.

Все, кто наблюдал за этим диалогом, покатались со смеху. Вот это ловелас растет!

Григорий Петрович и Андрей Иванович с удовольствием любовались счастливыми молодыми, которые не пропускали ни одного танца. Оба были довольны таким удачным союзом с большим потенциалом для дела.

Во время небольшого перерыва между танцами Марию Андреевну обступили ее сестры, которым хотелось рассмотреть платье и украшения. Григорий Григорьевич отошел к брату и его жене, Елене Ивановне.

– Гриша, поздравляю! Машенька такая чудесная! Береги ее! Она мне чем-то нашу Лизу напоминает... – старший брат был необыкновенно растроганным, Гриша его таким еще никогда не видел.

– Саша, что ты... Ну при чем здесь Лиза? – попыталась остановить его Елена Ивановна.

– Эти свечи... дурной знак... Я не говорил тебе, Гриша, но у Лизы также свеча потухла во время венчания...

– Я не верю в знаки... Но если тебе так спокойнее, даю слово, что буду беречь Машу как зеницу ока! Сам не обижу и другим в обиду не дам!

Объявили следующий танец. Григорий Григорьевич вернулся к своей молодой жене. Начав танцевать, он продолжал думать о старшем брате. Вдруг он осознал, что Александр стареет и становится слишком сентиментальным.

С улицы доносился какой-то шум, крики. Но их не слышно было за праздничным весельем. Около дома Елисеевых пьяный в стельку Закретский пытался прорваться на бал, но был остановлен урядником.

– Как ты смеешь? – орал он на урядника, пытаясь вырваться. – Не прикасайся ко мне! Пусти!

Ему удалось высвободиться.

– Елисеев, ты у меня будешь кровавыми слезами умываться! – пытался он докричаться до второго этажа.

В ответ ему из окон дома доносились музыка и смех.

Закретский без сил сел на лестницу и заплакал. Это были пьяные слезы. Но они были искренние. Никто, даже он сам, не смог бы разобраться, было ему так горько оттого, что не удалось залезть в карман к богатому купцу, женившись на его дочери, или ему действительно нравилась Маша, или ему было жутко обидно, что Елисеев обошел его в очередной раз.

Дамы стали жаловаться на духоту. Открыли окна. Ветер ворвался в комнату и стал раздувать тончайшие тюлевые занавески, словно паруса. Кружащиеся пары, размноженные в многочисленных зеркалах зала, и развевающийся, словно фата невесты, тюль сливались в красивейший свадебный танец.

Григорий Григорьевич, разговаривая с родителями, постоянно искал глазами невесту. Мария Андреевна болтала с сестрами, смеялась. Вдруг Григорию Григорьевичу показалось, что он увидел в зале еще одну невесту. Он побледнел. Ему живо вспомнился его сон накануне убийства Александра II. Он присмотрелся: оказалось, что это просто отражение Марии Андреевны в зеркале. Гриша выдохнул с огромным облегчением и решил больше тем вечером не пить.

Бал подходил к концу. К Грише подошли новоиспеченные тесть с тещей, которые собрались домой и хотели попрощаться.

– Гриша, сынок, а где ж твоя молодая жена? – поинтересовался Андрей Иванович.

– С сестрами секретничает... – махнув в ту сторону, где только что видел Марию Андреевну.

Сестры по-прежнему сплетничали на том же месте, где их видел Гриша, а Марии Андреевны не было. Григорий Григорьевич пошел искать супругу в зале. Ее нигде не было. К поискам подключились родители Гриши и сестры Маши. Безуспешно. Невесты нигде не было. Уже второй раз за свадьбу родственники встревожились – невеста пропала. Кто-то уже даже связал два события, мол, свеча погасла – это же дурной знак, вот невеста и пропала.

Глава II

I

Совершенно скандальное событие – на свадьбе пропала невеста. Елисеевы старались не афишировать свое беспокойство, иначе потом сплетен не оберешься. Людской молве только дай затравку, так они такого нафантазируют – не отмоешься!

Тем не менее сами Елисеевы были взволнованы не на шутку. Да и как можно было оставаться спокойными в такой ситуации? Тут еще выяснилось, что в дом рвался Закретский, который позже исчез в неизвестном направлении. От мысли, что дочь могла сбежать с графом с собственной свадьбы, Андрей Иванович схватился за сердце. Ведь этот мерзавец просил руку и сердце Машеньки. Неужели отказ ему был неискренним? Неужели граф с Марией Андреевной сговорились за спиной у отца и матери? Но зачем же было доводить до свадьбы, до такого позора? Нет, не могла любимая дочь так с ним обойтись!

Григорий Петрович был мрачнее тучи. Такого подвоха от дочери друга он никак не ждал. Да не могло такого быть, он же видел, какими влюбленными глазами она смотрела на сына. Те не менее невесты на балу не было.

Елисеевы и Дурдины удалились в сигарную комнату, чтобы не привлекать внимания любопытных гостей своими взволнованными лицами и обсудить план дальнейших действий. На Грише не было лица. Он готов был броситься в погоню. И вот в тот момент, когда в штабе шло бурное обсуждение, стоит ли ехать к Закретскому, в комнату зашла Варвара Сергеевна. За собой она вела заспанную Машеньку. Оказалось, та устала и прилегла в одной из гостевых спален буквально на минутку, чтобы ноги немного отдохнули. Невеста сама того не заметила, как провалилась в сон. То ли бессонная ночь накануне сыграла злую шутку, то ли игристое вино, которого Мария Андреевна, возможно, выпила чуть больше обычного, – от духоты и нервов, но девушка просто уснула и только потом узнала, какой переполох учинила.

Что творилось в сигарной комнате! Даже во время венчания не было столько эмоций. Матери плакали от счастья. Мужчины обнимали Машу, потом друг друга. С облегчением хохотали над смущенной невестой. Девушка боялась поднять глаза на Гришу. А тот был настолько счастлив, что она не сбежала с Закретским, что не мог злиться на нее.

– Рад Филат, что дело идет на лад, – снова засыпал поговорками Григорий Петрович. – И радость, и горе – дело временное. А давайте-ка, сердешные, закружиться! Погуляли – да буде! А то неровен час, еще кака оказия приключится...

II

Началась счастливая семейная жизнь Григория Григорьевича. Первые недели молодые не могли насладиться друг другом и как только появлялась возможность уединиться, непременно пользовались ею. Григорий Петрович только посмеивался в бороду от такой страсти между молодыми. Анна Федоровна порой укоризненно поглядывала на спальню, из которой никак не выходили молодожены. Хоть она и помалкивала, но такой пыл в исполнении супружеских обязанностей не одобряла. Возлежать супругам следовало для рождения детей, а не для греховной улады.

– Малый для сласти, большой для страсти, – поддразнивал жену Григорий Петрович, перехватив ее недовольный взгляд на сына, который схватил Машеньку, порхающую на втором этаже в пеньюаре, и потащил назад в спальню.

Анна Федоровна только шикнула на мужа.
– Старый бес! Ужо хватит зубоскалить!

Она и сама полностью не понимала, была ли это реакция на срамоту или тут еще подмешивалась материнская ревность. Анна Федоровна родила Гришу в сорок лет, когда уже и не ждала больше детей. А тут вдруг сынок, точная ее копия – красивый, синеглазый, здоровенький. Естественно, мать души в нем не чаяла. По ее мнению, ни одна из претенденток не была достойна Гриши. Все они были либо не слишком добродетельны, либо не слишком умны, либо недостаточно богаты, либо не очень красивы. В общем, Машенька, конечно, была милой девочкой, но не чета ее Грише.

А Григорий Петрович, наоборот, обожал Машу. Относился к ней как к собственной дочери, а то и более трепетно. Он восхищался ее быстрым умом и деловой хваткой. Именно такая жена может стать мужу настоящей соратницей и поддержит его в любых делах. Она напоминала ему его мать, которая после смерти отца, основателя их семейного предприятия, взялась за управление фирмы сама и делала это вполне успешно вплоть до своей смерти. Так что Григорий Петрович видел воочию, что такое, если выразаться современным языком, деловая женщина.

Уже на второй день после свадьбы Григорий Петрович ушел на традиционный полуденный сон, оставив недосчитанные счета в гроссбухе. Вернувшись, он увидел за конторкой Марию Андреевну в строгом черном платье с белым воротничком, напоминающую гимназистку. Он было взял гроссбук доделать оставленную работу, а там все уже аккуратно посчитано. С тех пор сердце его принадлежало невестке.

Ночью, лежа в кровати, усладившись друг другом, молодые супруги разговаривали о планах на будущее. Гриша недавно основал конный завод в Могилевской губернии и задумал вывести новую рысистую породу, чтобы она сочетала в себе лучшие качества орловских и французских скакунов, чтобы была красива, вынослива и быстра как никакая другая.

– Муся, что ты скажешь, если мы поедем завтра покатаемся на рысаках, которых я купил? А то отправлю их в Могилев скоро... Устроим пикник?

– С превеликим удовольствием! Ты так захватывающе рассказываешь про все эти виды скакунов, уже хочется самой увидеть таких красавцев! Как звали того прародителя орловской породы, про которого ты говорил, – Сметанка? – с улыбкой вспомнила Мария Андреевна.

– Да, чистокровный арабский рысак был, с бесподобным экстерьером и необычной длиной корпуса. Я говорил тебе, что у него был лишний позвонок? И цвета он был белоснежного, как твоя кожа... – Гриша гладил жену по тонким плечам, шее и, снова увлекшись, забыл и про скакунов, и вообще про все на свете.

На следующий день, как уговорились, Мария Андреевна и Григорий Григорьевич поехали кататься верхом. Машенька была неотразима в аспидно-синей амазонке, корсет которой плотно облегал ее тонкую талию. Шляпка со шлейфом в тон платья очень шла наезднице, выгодно подчеркивая глубокий цвет ее черных глаз, которые стали немного отливать вороновым крылом. Такими глазами можно было околдовать любого. Григорий Григорьевич не мог отвести взгляда от жены.

Парочка вдоволь накаталась верхом – и галопом, и рысцой, и вместе, и наперегонки.

Пока молодые супруги развлекались скачками, прислуга накрыла стол для пикника. Чего там только не было – запеченная буженина, кусочки стерляди на пару, кулебяки, пирожки с капустой и ягодами, мороженое, зефир и оладьи. Григорий Григорьевич помог Марии Андреевне спуститься с лошади и на секунду задержал ее в своих объятиях. Маша смушалась, но была безумно счастлива. Сели за стол. Гриша нагулял аппетит и набросился на мясо с кулебякой. Машенька надкусила пирожок и положила назад. Она перебирала пальчиками виноградинки, украшающие блюдо с бужениной, и была необычно задумчивой.

– Гриша, а помнишь, как мы были в лавке на поедании фруктов? Тогда, давно? Я тогда не понимала, что ты ко мне чувствуешь... – начала Маша.

Григорий Григорьевич кивнул, но, не зная, куда она ведет, воздержался от ответа под видом увлеченного поедания разносолов.

– А поехали сегодня в лавку? Так фруктов хочется, – хитро предложила Маша.

Гриша наивно махнул рукой на вазон, с которого разве что не валились спелые абрикосы, персики, яблоки, груши и виноград.

– А эти чем тебе не глянутся? – удивился Григорий Григорьевич такому предложению.

Мария Андреевна многообещающе посмотрела ему в глаза и положила свою руку на его. Тут Гриша догадался, на что она намекает, и уговаривать его более не пришлось.

Когда молодые приехали в лавку, Григорий Григорьевич распустил всех служащих. Они были немного обескуражены, но хозяин – барин. Какая бы блажь в голову не пришла, нужно исполнять.

Как только последний человек покинул магазин, Елисеев закрыл дверь и помчался в зал. Он сбросил со стола все фрукты и, страстно целуя, уложил туда Машу. Все было сладкое от сока спелых плодов, но пара не замечала ни липкости, ни сводящего с ума аромата, которые источали раздавленные Гришей у стола персики, абрикосы, маракуйя.

Домой молодые вернулись поздно. Пришлось приказать прислуге готовить Марии Андреевне ванну. Волосы ее были в колтунах, прекрасная амазонка была в грязных, липких пятнах. Но сама она светилась от счастья.

Гриша заснул как убитый. Он был уставшим и совершенно удовлетворенным. Его жизнь все больше и больше принимала те самые очертания, о которых он мечтал.

III

Григорий Григорьевич спал глубоким сном здорового молодого человека в уютных объятиях своей жены. Вдруг он проснулся от странного звука. Вначале он никак не мог понять, что происходит. Он повернулся и увидел в углу комнаты на стуле женщину. У Гриши по спине пробежал холодок. Еще даже не разглядев лица, он понял, что это его сестра, Лиза. Он хотел подойти к ней, но какой-то странный, жуткий страх сковал его тело. Он не мог двинуться. А сестра хваталась за горло и словно задыхалась, издавая страшные звуки. Через мгновение она сумела подняться со стула и, извиваясь от удушья, стала приближаться к кровати, протягивая к брату одну руку. И вот мертвецки бледная рука уже почти коснулась Григория Григорьевича. Гришу охватила неведанная доселе паника. Он закричал.

Младший Елисеев проснулся от собственного крика. Сердце бешено стучалось. Он повернулся в сторону жены. Ее рядом не было. Тут он понял, что звуки были реальны и доносились из ванной комнаты. Гриша пошел туда и увидел изнеможенную жену, сидящую рядом с новомодным фаянсовым унитазом от Томаса Твайфорда, который Григорий Григорьевич – любитель всех технических новинок не мог не приобрести одним из первых не только в России, но и в мире. Марию Андреевну буквально выворачивало наизнанку от рвотных позывов.

– Господи, Муся, что с тобой? – бросился муж к Маше. – Давно тебе плохо? Почему меня не разбудила?

– Пожалуйста, не смотри на меня... – едва справляясь с новым приступом тошноты, прошептала Маша, отстраняясь от Григория Григорьевича. – Умоляю, иди в спальню. Сейчас все пройдет...

– Надо срочно послать за доктором!

Гриша выбежал из комнаты, разбудил отца и мать, чтобы отправить прислугу за врачом. За доктором поехал Александр Григорьевич, чтобы прислугу не отправили обратно и не ждали до утра.

Пока мать с Еленой Ивановной и со служанками занимались Марией Андреевной, пытаюсь привести ее в порядок и напоить водой, Григорию Петровичу пришлось налить сыну рюмочку коньяка, чтобы хоть немного его успокоить. Он и сам был встревожен, но не подавал вида.

– Господи, я сам виноват! Зачем я послушал ее и мы поехали на эти фрукты на Невский... Наверное, какой-то гнилой попался, – причитал Гриша.

– Ежели это из-за фрукта, так не страшно. Не всякий умирает, кто хворает, – пытался утешить Григорий Петрович, но сам он тоже так некстати вспомнил дочь Лизу, которая скоропостижно скончалась через несколько месяцев после свадьбы. И еще эта свеча, погасшая у Марии Андреевны в церкви так же, как у Лизы, – плохой знак.

– Я слышал, в Европу опять завезли холеру, из Алжира. Какие там точно симптомы? Что если с фруктами эта зараза и к нам приехала? – нагнетал сын.

– Пусть, Гриша, всяк свое дело делает: мы будем торговать, врачи хворь распознавать, – старался урезонить разволновавшегося молодого человека отец, – какой прок в наших гаданиях?

К мужу и сыну спустилась Анна Федоровна.

– Перестало вроде. Уложили отдыхать. Ты, Гриша, не тревожь ее пока, – остановила она юношу, который уже готов был бежать к жене.

– Это же не то, что у Лизы было? – Гриша все-таки задал самый беспокоящий его вопрос.

– Тьфу, типун тебе на язык! – только отмахнулась Анна Федоровна.

– Мне она приснилась сегодня... – начал рассказывать Григорий Григорьевич, но в этот момент приехал Александр Григорьевич с доктором.

Врача сразу проводили к больной. Он попросил остаться один на один с пациенткой. Родственникам пришлось опять спуститься вниз и понервничать еще немного. Доктор не заставил себя долго ждать. Он спустился к Елисеевым с непроницаемым лицом.

– Как она, Николай Александрович? Что это? – начал расспрашивать взволнованный муж.

– Не волнуйтесь, Григорий Григорьевич. Состояние характерное для этого периода. У вас с Марией Андреевной будет ребенок, – довольно монотонно сообщил врач радостную новость.

Григорий Григорьевич разве что не подпрыгнул от такого счастливого известия. Даже не поблагодарив доктора и не попрощавшись с ним, он помчался наверх к своей любимой.

Она лежала бледная, обессиленная, но довольная. Гриша встал на колени рядом с кроватью и стал осыпать руки и лицо жены поцелуями.

– Я не была уверена... – начала оправдываться Маша, – вернее я не понимала...

– Мусенька, я так рад! Теперь никаких скачек, будем с тебя пылинки сдувать! Тебе нужен полный покой! Как ты себя чувствуешь?

– Еще немного дурно... – слабым голосом пожаловалась Мария Андреевна.

Григорий Петрович проводил врача и вернулся к Анне Федоровне, которая уже приготовила самовар и накрыла на стол. Александр с женой ушли спать. За всем беспокойством в доме Елисеевых не заметили, как настало утро.

– Меня никогда так на сносях не мутило, – отхлебывая из чашки чай с мятой, заявила Анна Федоровна, – уж больно она хлипкая, кожа да кости, на солнышке просвечивается...

– Ничего-ничего, были бы мослы, мясо нарастет. Кость тело наживает, – только ухмылялся себе в бороду старый купец.

IV

Григорий Григорьевич был счастлив и носился с беременной женой как с писаной торбой. Он требовал, чтобы Маша больше отдыхала, запрещал ей работать в конторе. А супруга

не могла при нем расслабиться. Ей не хотелось, чтобы он видел ее бледной, некрасивой, растрепанной. Хорошо хоть он много работал и не проводил с ней все время. Для удобства жены Гриша перевез из дома свекра ее няньку, Манефу. Только с этой старой ворчуньей Мария Андреевна могла не думать о своей внешности, положить свою нечесаную голову ей на пышную грудь и ощущать полную защиту и спокойствие. С Манефой можно было покапризничать и поныть, зная, что она никогда не осудит.

Весть о беременности Марии Андреевны быстро разнеслась по Елисеевской семейной орде. В дом Григория Петровича потянулась вереница визитеров с дарами и пожеланиями. Маше тяжело давалась неожиданно свалившаяся на голову популярность. Нелегко было совмещать регулярные броски в туалет из-за тошноты и прием гостей. А они, как назло, непременно хотели видеть виновницу радостного известия. Хотя Маша прекрасно отдавала себе отчет, что сама по себе она никому из этих многочисленных родственников не была интересна. Все они пытались выказать свое глубочайшее уважение к Григорию Петровичу. Мария Андреевна тоже включилась в эту игру, потому что она не могла и помыслить обидеть старика. Маша с первого дня чувствовала какую-то особую связь с Григорием Петровичем. Он был ей как второй отец. Поэтому ради него она мужественно терпела все трудности, связанные с бесконечным потоком все новых и новых елисеевских лиц.

Из всех родственников Маша по-настоящему сдружилась только с Марией Степановной. Та повадилась ходить к ним постоянно. Несмотря на своей немного несурзанный внешний вид и довольно взбалмошный характер, женщина она была добрая и искренняя. Пожалуй, это был как раз тот случай, когда центром интереса была именно Маша. Племянница Григория Петровича выносила много детей и всегда была готова поделиться бесценным опытом. Именно она нашла индивидуальное средство, которое немного облегчало Машин токсикоз, – моченые яблоки. С тех пор как было обнаружено это волшебное свойство яблок, Мария Андреевна поглощала их фунтами.

Не обходилось без конфузov. Как-то Мария Степановна явилась навестить Машеньку в компании двух мальчишек – со своим девятилетним сыном Сашей и одним из дальних племянников по линии Целибеевых, тем самым мальчиком, который нес шлейф Марии Андреевны на свадьбе. Мать мальчика была серьезно больна, и Мария Степановна решила взять на себя заботу о нем, тем более что и возраста он был почти такого же, как ее сын, лишь на два года старше.

Пока дамы пили чай, мальчишки бегали по дому и развлекали себя как могли. Вдруг начался переполох. Грозной поступью к месту чаепития приближалась Манефа, которая вела за ухо того самого кавалеристого Митю. Сын Марии Степановны виновато семенит рядом.

– Ах ты, кот блудливый! Ужо я тебя так хворостиной отхожу, что вмиг енто распутство забудешь, – задыхалась от возмущения Манефа.

– Манефа, что случилось? Отпусти ребенка, – бросилась Мария Андреевна к няньке.

Мария Степановна подскочила от возмущения, с раздувающимися, как у дракона, ноздрями. Еще немного и оттуда бы вырвалось пламя.

– Немедленно оставьте мальчика! – взвела Мария Степановна, как иерихонская труба. Во-первых, в продвинутой семье Елисеевых телесные наказания детей применялись лишь в крайних случаях. Во-вторых, никакой прислуге не дозволено было трогать барских детей.

Но Манефу воплями было не напугать. Она хоть и отпустила Митино ухо, но отступить не собиралась.

– Коли за ум не возьмешься, руки твои беспутные отсохнут! – пригрозила Манефа ребенку и потрясла кулаком прямо у него под носом для пущей остратки.

– Да что случилось-то? – пыталась выяснить Маша.

Сын Марии Степановны подошел и, не смея озвучивать вслух, прошептал ей на ухо, заливаясь краской. Виновник происшествия совсем смутился и стоял, потупившись, с пылаю-

щим ухом. Мария Андреевна, дослушав мальчика до конца, вдруг расхохоталась. Она пыталась сдержаться и подавить смех, ведь все это было крайне непедagogично, но она ничего не могла с собой поделать. И пока она боролась с приступом хохота, Саша также шепотом поделился этой историей с матерью.

Оказалось, что мальчики играли в комнате, где прибиралась горничная. Когда та нагнулась, чтобы смахнуть пыль пипидастром с нижней полки мебели, Митя ущипнул ее за филейную часть, которая так манко выделялась в располагающей позе.

Горничная убежала и пожаловалась Манефе.

– Митя, ну что же вы? Как же так? Разве рыцари так себя ведут? – Мария Андреевна сделала попытку пристыдить мальчика.

Но Марии Степановне было не до смеха.

– Я думаю, ребенок здесь совершенно ни при чем. Взрослая женщина должна вести себя скромнее, дабы не вызывать у отроков дурных мыслей! – женщина была настроена решительно. – Вызовите сюда горничных!

Манефа привела горничных. Они выстроились в ряд перед молодой хозяйкой и ее гостями. Мальчики стояли за спинами Марии Степановны, не в силах поднять глаза от стыда.

Мария Степановна пошла вдоль девушек, внимательно рассматривая каждую из них. Особенно выделялась одна – молоденькая, ладненькая, с пышной грудью, с очаровательными ямочками на щеках. Ее длинные кудрявые волосы были забраны в косы, но несколько прядок кокетливо выбилось у милого лица. Она была прехорошенькой. Остановившись у симпатичной горничной, Мария Степановна посмотрела на Манефу с неммым вопросом. Та кивнула – мол, да, это она.

– Что ж! Мне все ясно, – вынесла заключение Мария Степановна, – можете идти работать.

Позже, отправив детей домой, она завела серьезный разговор с Григорием Петровичем наедине. Рассказав ему о происшествии, Мария Степановна была вынуждена ждать, пока он отсмеется. У него была такая же реакция на историю, как у Маши.

– Дядюшка, что же в этом смешного, право? – раздосадовано решила остановить веселье Мария Степановна. Если Машеньке было простительно из-за молодости, то опытный человек не может к этому так легкомысленно относиться. – Это, скорее, печально. И даже опасно. Увольте эту девицу немедленно!

– Не слишком ли суровое наказание ты выбрала невинной девице за проказы юнца? – Григорий Петрович решил немного урезонить Марию Степановну.

– Невинной? Или ловкой искусительнице? – чуть не задохнулась племянница. – У нее девичий стыд до порога, переступила и забыла!

– Да почто ты так на нее взъелась? – никак не мог понять Григорий Петрович. – Почто напраслину-то городишь? У нашей свахи все невестки не пряхи!

– Я, дядюшка, в самую суть зрю. И в ум не возьму, как это вы, со своим опытом и мудростью, не хотите замечать опасность, – не унималась Мария Степановна. – Эта лисица хитростью кормится. Не мне вам рассказывать, какой силой обладают женские чары. Как можно посмотреть, улыбнуться и нагнуться, чтоб мужчина голову потерял. А уж мальчишка и подавно. И дело здесь не только в Мите... Зачем в доме, где женщина на сносях, такая аппетитная девица? Машенька подурнела сильно, зачем же Грише такой соблазн перед глазами?

Это был первый раз, когда племянница заставила старика Елисеева задуматься. Он видел ту нежность, с которой сын смотрел на жену, видел заботу. Но не буди лиха, пока оно тихо. Не редки были случаи, когда мужчины погуливали от своих беременных жен. Да если просто тихо погуливали – это еще полбеды, а то так и до скандала недалеко.

В итоге, Григорий Петрович пообещал Марии Степановне уволить девицу, представляющую угрозу семейному благополучию. И почти так и сделал. Но вместо увольнения он без особой огласки перевел ее работать в Елизаветинскую богадельню. Не мог он пойти против

совести и несправедливо обидеть девушку, но и не обратить внимание на предостережение Марии Степановны тоже не мог.

А Григорий Григорьевич и Мария Андреевна даже не заметили перевода девушки. Когда Маша рассказала Грише о Митином проступке, тот хохотал от души и все хотел посмотреть на Митину зазнобу, но на следующий день за делами совершенно забыл.

V

В те дни окрыленный Григорий Григорьевич много работал. Он был активен и полон идей. К каждому новому направлению Гриша подходил ответственно. Изучал лучшие практики. Решив заняться оливковым и прованским маслами, он закупил новые мраморные цистерны, в которых масло отстаивали. Продукт в итоге получался наивысшего качества. Чистый, как слеза. Елисеевское растительное масло тут же высоко оценили покупатели.

Но не все шло так легко и гладко. Однажды Гриша вернулся возбужденным после встречи с новым поставщиком сырья для вина, с которым возникли некоторые сложности. Будущий партнер сначала охотно шел на сотрудничество, но чем ближе дело продвигалось к сделке, тем чаще он находил причины отложить совместную работу и отменял одну встречу за другой. Григорий Григорьевич и Григорий Петрович ломали голову, что же происходит. Елисеевы имели безупречнейшую репутацию у зарубежных партнеров. Они никак не могли понять причину. Но вот, наконец, Григорию Григорьевичу удалось встретиться с поставщиком на бирже.

– Как только этих пустомель земля носит! – возмущался он за ужином. – Нет, вы только подумайте, выдумать такое – что мы вино водой разбавляем! Это ж как можно было додуматься до такого! Пришлось вести его в погреба, показывать технологию, вскрыть несколько бутылок на пробу...

– Это кто ж наговорил столько, что и в шапку не соберешь? Неужто он сам такое придумал? – удивился Григорий Петрович.

– Определенно нет. Но источник не раскрыл, как его не пытал... Намекнул только, что человек непростой, с положением...

– А что ж теперь? Удалось его переубедить? – спросила Машенька.

– Да, все, ударили по рукам. Теперь уж он в восторге от нашей мадеры. Поставит нам весь урожай. Но ведь на волоске сделка была...

– Эх найти б ентого Емелю, что молот ту неделю, да язык бы укоротить! Это хорошо, что у нас реноме за столько лет сложилось, а то ж свинья скажет борову, а боров всему городу. Так и не отмоесси. Но ничего, всякая сорока от своего языка погибает, – ворчал Григорий Петрович.

У Марии Андреевны перед глазами возник образ Закретского. Она недавно видела его в кафе, куда они зашли с Марией Степановной выпить по чашке кофе. Он оказался за соседним столиком и, увидев Машу, мерзко ухмыльнулся. Как будто готовил какую-то пакость. Сам же он явно неприятно был удивлен, что Мария Андреевна в положении. Похоже, что раньше ему никто об этом не рассказал и это стало неприятным сюрпризом. Хотя чему было удивляться? Молодая женщина ждала ребенка от своего супруга – вполне естественное положение дел. Маша трянула головой, словно пытаясь избавиться от возникшего перед глазами навязчивого образа. Она не стала рассказывать об этом свекру и мужу. Маша боялась реакции Гриши. Граф и так был для него как красная тряпка для быка. Поэтому лучше было не провоцировать.

Так за разными хлопотами и прошла зима.

VI

Апрель в Петербурге все еще по-зимнему темный, ветреный и промозглый месяц. Но все-таки, вопреки господствующей полярной ночи, которая, кажется, никогда не закончится, в воздухе начинает пахнуть весной.

В апреле 1885-го морозы сошли на нет и, главное, почти не было затяжной мороси. Повеяло новой жизнью и надеждой. Такой многообещающей весной, через неделю после Пасхи, родился первенец Григория Григорьевича и Марии Андреевны, которого по купеческой традиции называли в честь отца и деда – Гришей.

Это был славный, совершенно очаровательный малыш, от которого потеряли голову все без исключения домочадцы и родственники Елисеевых. В доме между женщинами семейства шла борьба за то, кто следующий будет нянчить младенца. Анна Федоровна, которая хворала несколько месяцев подряд, словно снова ожила. Она брала внука на руки и видела в нем своего Гришу, настолько малыш был похож на отца. Она уж и забыла, как считала, что Маша не дотягивает до ее сына. После того как сноха подарила такого чудесного карапуза, она стала любимицей хозяйки дома. Манефа тоже обожала ребенка и была несказанно рада, что через месяц после родов Григорий Григорьевич пожелал вернуться в спальню к жене и велел няньке присматривать за его сыном ночью.

На крестины в храм съехалась вся родня. Малыша осыпали подарками, словно царского отпрыска. Да и Елисеевы не поскупились, устроив после крещения пышный праздничный обед. Гостям подавали стерлядь и осетрину, буженину под луком, телячью печенку под рубленным легким и баранину под сладким красным соусом. Те, кто еще был в силах остаться за столом, продолжили жареными перепелками, цесарками и рябчиками, а после этого перешли к десертам.

Все было организовано по последней моде, но кое-кто не забыл и про традиции. Мария Степановна взяла со стола немного гречневой каши, которую подавали как гарнир к бараньим бокам, и намешала в нее соль, перец и горчицу. Она протянула рюмку водки Григорию Григорьевичу и, как только он ее выпил, сунула ему в рот эту закуску.

– Как тебе солоно, так и жене твоей было солоно рожать! – заголосила она, пока Григорий Григорьевич морщился от пересоленной каши, а затем подбросила оставшуюся в ложке кашу вверх. – Дай только бог, чтобы деткам нашим весело жилось и они так же прыгали бы!

Так прогресс и традиции сочетались в жизни Елисеевых. Но иногда им было не просто ужиться вместе.

Мария Андреевна читала новомодные книги о том, как ухаживать за новорожденными. Тогда философия задавала тон во многих областях жизни, медицина не была исключением. Одним из нововведений была отмена пеленаний, ибо Руссо и многие последующие философы считали, что человек должен быть свободен с рождения, а тугие пеленки свободу ограничивают. Маша твердо решила, что своего малыша пеленать она не будет. Анна Федоровна активно протестовала. Даже жаловалась Григорию Петровичу, но он отказался занимать чью-либо сторону. Григорий Григорьевич тоже от решения спора самоустранился. Мария Андреевна стояла на своем и почти весь день проводила с ребенком и контролировала, что никто его не затягивал в свивальник. Однако, то ли от колик, то ли от избытка свободы, малыш днем был беспокойным и мало спал. Молодая мать очень уставала. Ночью же, как его забирала Манефа, была тишина. Как-то Мария Андреевна, проснувшись, зашла в детскую. Сын спокойно посапывал в своей кроватке, завернутый в пеленки. Манефа дремала, сидя на стуле рядом. Первым желанием Маши было устроить Манефе разнос за нарушение ее приказа, но эти двое так сладко и мирно спали, что у нее рука не поднялась их разбудить. А уж когда малыш заворочался во сне, потянулся и вытащил ручку из пеленки, так она и вовсе успокоилась.

На следующий день Маша сделала вид, что ничего не знает. Ребенок, в конце концов, перестал плакать днем. Видимо, действительно первые месяцы просто болел животик. И по-прежнему хорошо спал ночью, в нетугих Манефиных пеленках.

VII

Гриша, или – как младшего Григория стали называть Елисеевы – Гуля, рос спокойным, некапризным ребенком. У Марии Андреевны появилось время снова вернуться к делам, хоть она по-прежнему много времени проводила с сыном. У этой молодой, энергичной женщины все спорилось. Помимо всех своих забот, она и ослабшей Анне Федоровне помогала управлять домом. Казалось, что у Маши внутри спрятан тот самый пресловутый перпетуум мобиле.

Тем неожиданней было Григорию Григорьевичу, однажды вернувшемуся с биржи немного раньше, застать Марию Андреевну, рыдающую на своей кровати. Гришу охватила паника – что могло произойти, пока его не было? Что-то с сыном или родителями?

– Муся, родная, что стряслось? – схватил он жену за плечи, пытаясь заставить ее смотреть на него.

– Это ужасно, – всхлипывала Маша, закрывая лицо руками, чтобы Гриша не видел ее зареванную. – Такая трагедия!

– Что, Маша, что? – муж был в панике.

В комнату зашла спокойная Манефа. Подняла с пола очередной номер «Биржевых ведомостей» и подала Григорию Григорьевичу.

– От, – она ткнула пальцем на новость про смерть Людвига II, – из-за этого.

– Господи, Маша, ты так по баварскому королю убиваешься? – Гриша был ошарашен чрезмерной реакцией жены на безусловно печальное событие, но не имеющее к их семье никакого прямого отношения.

История была трагическая. Романтичный и чувственный Людвиг, построивший в Баварских горах сказочный замок Нойшванштайн, воспетый художниками и поэтами, был красив и несчастен. Женские сердца таяли при одном только взгляде на портреты брюнета с грустными, голубыми глазами. Никто не думал, что можно так жестоко и хладнокровно обойтись с народным любимцем, объявив его неизлечимо душевнобольным и отстранив от дел. Короля схватили по приказу предавшего его правительства, вероломно ворвавшись в его покои под покровом ночи, и отправили в замок Берг. Там Людвиг отправился на прогулку в сопровождении одного из членов комиссии, пленившей его. Больше живыми их не видели. Тела обоих были найдены на мелководье Штарнбергского озера. Не похоже, что смерть могла быть случайной. Никто не верил, что такой высоченный красавец мог сам утонуть в воде по колено. Версия самоубийства тоже не выглядела состоятельной.

– Разве это не бесчеловечно? – всхлипывала Маша. – Ведь он был мягкий, добрый, чудесный человек!

– Ну, полно, полно, – Гриша обнял супругу и гладил ее по голове, как маленькую девочку.

– Бабы слезы, чем больше унимать, тем хуже, – бурчала нянька.

Григорий Григорьевич выдохнул с облегчением. В доме было все в порядке, и теперь слезы жены казались ему даже милыми. Вообще Мария Андреевна, как он думал, была человеком рациональным, даже иногда чересчур, а это было так неожиданно, так по-женски.

– Бедная Сиси, – немного успокоившись, Маша подошла к зеркалу и пыталась прибрать свои растрепавшиеся шикарные волосы, которыми она вполне могла соревноваться с австрийской императрицей. – Как она перенесет эту потерю?

Людвиг приходился Елизавете Австрийской кузеном. Маша в детстве мечтала быть похожей на эту красавицу с невероятной копной длинных каштановых волос. Она интересовалась жизнью Сиси, ее нарядами, прическами, любила рассматривать портреты и была влюблена

во всю сказочную атмосферу, окружающую императрицу и ее семью. А теперь детская мечта рушилась. Светлая сказка превращалась в глубокую трагедию. Мария Андреевна плакала и по Баварскому королю, и по безвозвратно ушедшему детству.

Та эпоха заметно недолюбливала мягких самодержцев и обходилась с ними крайне жестоко. Но самая страшная и кровавая расправа еще ждала мир впереди.

– То скачет, то плачет, – тепло ворчала Манефа, когда Маша, успокоившись, уселась к туалетному столику, чтобы прихорошиться. – Опять тяжелая, небось?

Няньку не обманешь. Так и оказалось, прошел год с небольшим с рождения Гули, и вот Мария Андреевна опять ждала ребенка.

VIII

Григорий Григорьевич работал день и ночь. Он был влюблен в свое дело и фонтанировал идеями. Григорий Петрович давно оставил свои сомнения по поводу Гришиных способностей управлять бизнесом. Если младший Елисеев брался за какое-то новое дело, то ему был обеспечен успех.

Часто Гриша, Александр и Григорий Петрович ужинали с деловыми партнерами, с которыми обычно выстраивались доверительные, взаимовыгодные отношения. Однако бывали и исключения.

Тем вечером Елисеевы должны были встретиться с довольно успешным английским дельцом, поставляющим им кофе. Он специально приехал в Россию обсудить очередное повышение цен. Григорий Петрович пригласил его в ресторан «Медведь», дабы удивить российским колоритом и расположить к более продуктивному разговору. Бельгийский хозяин ресторана, Эрнест Игель, мог угодить гостям с любым вкусом. Там можно было отведать и наваристого борща, и воздушное суфле д'Орлеан.

Елисеевы и зарубежный гость долго плели кружева, ходя вокруг да около реальной цели дискуссии. Обсудили все – погоду, природу, поэзию, прозу, театр и прочую культурную жизнь. Наконец, британец перешел к делу.

– Вы же понимаете, сейчас, когда кофейные плантации Цейлона гибнут от грибка, цена на кофе не может оставаться на прежнем уровне, – нахмурив с аппетитом уши из стерляди, аргументировал свою позицию иностранный партнер.

Это был довольно высокий, худощавый человек, с желтоватой кожей и длинными кривыми зубами.

– Вы, видимо, запомнили, когда мы заключали эту сделку, мы фиксировали на пять лет отнюдь не нижнюю цену, с пониманием, что каждая сторона принимает на себя все возможные риски и форс-мажоры, – возразил Гриша.

– Я думаю, излишне напоминать, что мы и так теряем часть прибыли из-за повышения пошлины на рубль за пуд, – добавил Александр, – а если цены продолжат повышаться, торговля кофе перестанет быть целесообразной.

– Джентльмены, поймите, это ситуация на рынке, не только я поднимаю цены, – упирался британец, опрокидывая очередную рюмочку.

– Вы не будете возражать, если я удостоверюсь, – начал заводиться Гриша.

Англичанин залился краской.

– Вы же не подозреваете меня в искажении фактов? – возмутился он.

Александр было хотел разрядить обстановку, но Григорий Петрович остановил его, похлопав по руке. Отцу хотелось посмотреть, как младший сын закончит разговор. Для себя он уже поставил крест на этом ненадежном британском коммерсанте.

– Ну что вы! Ни в коем разе! – сказал Гриша с непроницаемым лицом, снимая с себя салфетку, тем самым показывая окончание обеда. – Вы же уважаемый джентльмен и сдержите

данное слово. Сколько у нас осталось поставок по тому договору? Одна? Две? Так вот, их вы нам поставите по договоренной цене. Возможное повышение цен обсудим для новых поставок. Если они будут. Вы, кстати, не слышали о создании американской торговой марки Maxwell House? Мы можем подумать о развитии этого направления импорта кофе в Россию, минуя Соединенное Королевство. Тогда вам цены придется снижать, иначе потеряете дело. Что скажете?

Разговор дальше не пошел. Британец ушел не солоно хлебавши. Цены остались прежними. Дальнейшее сотрудничество тоже было под большим вопросом.

– Любит птичку, чтобы пела, да чтоб не ела. Последний целковый отберет и не сконфузится, – прошелся по иностранцу Григорий Петрович. – А что ты там ему, Гриша, про импорт из Америки заливал?

– Не заливал. Думаю, это перспективное направление. Я им займусь, просчитаю. А пока найду нам несколько новых поставщиков кофе. Чтоб не все яйца в одну корзину, – парировал Григорий Григорьевич.

– А ежели ентот разобидится да и не отправит нам больше кофию?

– Я вчера проверил запасы. Нам их хватит с лихвой, пока ищем новых поставщиков. У меня уже есть на примете пара уважаемых негодяев. А если все-таки кофе придет по текущим ценам, так и пусть. Все продадим, у меня тут из некоторых губерний очень любопытствовали о поставках, – Гриша был уверен в том, что говорил.

Александр только кивал.

– Кобыла с волком тягалась, только грива да хвост осталась, – расхохотался отец. Он старался не показывать, как был горд тем, как сын приструнил этого скользкого типа и насколько профессионально он вырос.

Александр Григорьевич тоже был рад, что отец, наконец, разглядел талант и деловую хватку Гриши. Теперь он мог больше времени тратить на устройство больницы и на управление Петербургским частным коммерческим банком, создателями которого были он и Григорий Петрович. Откровенно говоря, быть банкиром нравилось Александру Григорьевичу гораздо больше, чем купцом. Все-таки торговля не была его стихией, хоть и давалась ему довольно легко. Тем не менее торговые успехи не приносили ему той радости и удовлетворения, как победы в кредитно-финансовой сфере. Глядя на горящие глаза брата, на его влюбленность в их торговый дом, он верил, что придет тот день, когда он сможет спокойно, без угрызений совести, оставить весь их бизнес на Гришиных плечах. А сам уже полностью займется банком, семьей и благотворительностью. У жены, Елены Ивановны, участились приступы астмы, и она требовала постоянного внимания. И хоть в доме Елисеевых она не была брошенной, о ней заботились и Анна Федоровна, и Маша, и шестнадцатилетняя падчерица Лиза, Александр Григорьевич чувствовал себя виноватым, что его часто нет рядом.

IX

Мария Андреевна, которую супруг опять отстранил от активного участия в делах на время беременности, полюбила много гулять. Так легче было переносить токсикоз. После окончания первого триместра это уж вошло в привычку. Да и Гуле полезно было дышать свежим воздухом.

Теплым осенним утром Маша с Манефой прохаживались по дорожкам парка, усыпанным пестрой листвой. Манефа спустила Гулю с рук, чтобы он размял ножки. Малыш подобрал палку и стал стучать ей по камням. Они с Манефой немного отстали от матери. Мария Андреевна остановилась, поджидая сына с няней, и подняла лицо к мягкому солнцу, нежась, как ленивая кошка, в его ласковых лучах.

Опустив голову, Мария Андреевна вдруг увидела, что к ней направляется граф Закретский. Скрыться уже было невозможно. Он заметил Машу и шел целенаправленно к ней. Несмотря на довольно раннее утро, бывший кавалер был изрядно пьян. Возможно, с предыдущего вечера. Даже нетрезвым граф умудрялся выглядеть элегантно и утонченно. К сожалению, как только он открыл рот, весь лоск моментально испарился.

– Подумать только, Мария Андреевна! Давно мы с вами не виделись! А вы изменились – раздобрели, – приветствие не обещало ничего хорошего.

– Добрый день, Всеволод Андреевич, – очень спокойно и холодно ответила Маша, не глядя ему в глаза, чтобы не давать повод продолжить разговор.

Она пыталась пройти дальше, но граф преградил ей дорогу.

– Что же вы даже поговорить со мной не желаете, Мария Андреевна? Чем я заслужил такую немилость? Ведь это не я давал надежду, играл, кокетничал, а потом вильнул хвостом и женился на другой, – он пытался поймать взгляд Маши, но она не смотрела на него.

Она еще раз попробовала пройти дальше, но он поставил перед ней трость.

– А что это мы теперь такие тихие? Язычок свой остренький прикусили? Муж не велит разговаривать? Ах, хороша парочка – купчишка и кокотка!

– Прекратите, Всеволод Андреевич! Вам позже будет стыдно, – пустите!

Она сделала очередную попытку прорваться, но граф не собрался ее отпускать.

– Нет, милочка, стыдно должно быть женщине, которая торгаша к своему телу допустила. От него ж, вероятно, капустой квашеной разит. Неужто нравится? – зло расхохотался Закретский.

Гуля, обнаружив, что Марии Андреевны нет рядом, огляделся и, увидев мать, засеменял к ней. Манефа, видя напряженный разговор с Закретским, пыталась остановить его, но он начал вырываться.

– Мама! – призвал он Марию Андреевну на помощь.

– Да, милый, сейчас иду! – крикнула ему в ответ мать.

Лицо Закретского искривилось при виде мальчика, который был удивительно похож на Григория Григорьевича. Графа словно прожег взгляд этих ярко-синих глаз.

– Купеческий выродок! – процедил граф сквозь зубы.

Мария Андреевна долго держала себя в руках, но из-за сына вспыхнула моментально. Она развернулась к графу и залепила ему звонкую пощечину. Рука у Марии Андреевны была тяжелая. Голова Закретского аж откинулась назад. В ответ он замахнулся на Машу тростью, но услышал свистки городского с одной стороны и увидел Манефу, ноздри у которой раздувались от ярости, как у быка перед выходом на корриду, и которая уже была готова броситься на защиту своей девочки. Подумав секунду, граф благоразумно трость опустил.

Мария Андреевна оттолкнула его и пошла к сыну с няней. Ее всю трясло.

Х

Мария Андреевна, вернувшись домой, заперлась в комнате. Она то рыдала, то в ярости сбрасывала вещи с туалетного столика. Манефа пыталась ее успокоить как могла. Подавала чай с валерьяной, нюхательные соли, жалела и ругала.

К вечеру Мария Андреевна, казалось, взяла себя в руки. Но она настолько эмоционально выдохлась за день, что, не дождавшись ужина, легла спать.

Вернувшийся Григорий Григорьевич, когда узнал, что супруга уже в постели, удивился, но списал это все на причуды беременности и спокойно сел ужинать с отцом и Александром, обсуждая дела.

Вдруг из спальни раздался Машин крик. Гриша буквально взлетел по лестнице и через несколько секунд был у ее кровати. Супруга стонала, схватившись за низ живота. Григорий Григорьевич заметил на ее ночной рубашке и на кровати кровь.

– Врача! – закричал Гриша не своим голосом.

Манефа бросилась вниз. Тут же отправили мальчишку за доктором.

– Муся, потерпи, – шептал Григорий Григорьевич жене, крепко обняв ее, – все будет хорошо!

– Енто все тот пакостник, – вернувшись, в сердцах заявила Манефа, – из-за енто нечестивца все...

– Из-за кого? – зацепился Гриша.

Манефе пришлось все рассказать про встречу с Закретским, несмотря на протесты Марии Андреевны.

– Убью подлеца! – Гриша взвился от ярости и бросился вниз.

– Манефа, что же ты наделала, – простонала Мария Андреевна и попыталась встать с кровати. Манефа хотела помочь, но Маша оттолкнула ее. – Беги за ним! Останови!

– А батюшки, а батюшки... – запричитала нянька и прошуршала вниз.

Мимо Григория Петровича и Александра Григорьевича сначала пронесся к выходу Гриша, затем, кряхтя, проследовала Манефа. Нянька громко причитала, и Григория Петровича словно ударило током.

– А батюшки, убьеть его... ох душу погубит... – верещала Манефа.

В секунду Григорий Петрович вскочил с места и босиком бросился за сыном на улицу. Такая прыть была удивительна для восьмидесятичетырехлетнего старика. Григорий Петрович и сам от себя не ожидал такой стремительной реакции. Но не было ни секунды на обдумывание. Нужно было срочно остановить сына от неисправимой ошибки. Александр Григорьевич испугался за отца не на шутку.

К счастью, навстречу всей этой возбужденной компании уже ехал экипаж с доктором. Григорий Петрович, который из обрывков причитаний Манефы понял суть дела, смог убедить Гришу, что сейчас нужно вернуться к Маше, выслушать, что скажет врач. А уж потом можно и «убить» Закретского. Позже. Сам он судорожно пытался придумать, как после визита эскулапа остановить сына, не выпустить его из дома.

Доктор осмотрел Машу и сообщил, что, хотя угроза потерять ребенка реальна, есть шанс и сохранить его. Главное условие – запрет на любые эмоции и нервные потрясения. Марии Андреевне отныне требовался полный покой и постельный режим. Все семейство вздохнуло с облегчением.

– Гриша, – слабым голосом позвала Маша мужа, когда лекарь ушел, – пообещай мне, что ты не приблизишься к Закретскому. Если я узнаю, что ты не оставил мысли о мести, я, боюсь, потеряю ребенка. Дай мне слово! Пойми, он не стоит твоего мизинца! Не ломай свою и мою жизнь, молю!

Григорию Григорьевичу ничего не оставалось, как согласиться. А Григорий Петрович, который присутствовал при разговоре, не мог не восхититься мудростью своей молодой снохи. Он сомневался, что смог бы найти более убедительные аргументы не связываться с высокородным негодяем. Но ради ребенка и Машиного спокойствия Гриша должен был сдержать слово.

Так и было. Гриша не искал встреч с графом, а Маша была вынуждена соблюдать постельный режим вплоть до родов. Деятельной от природы Марии Андреевне приходилось нелегко. Она сильно располнела. Но как только она пыталась встать, все вокруг слишком переживали и суетились, и Маше приходилось возвращаться в кровать.

XI

Первого марта 1887 года около 11 утра Гриша спешил в свою лавку по Невскому проспекту. Он пожалел, что вышел из экипажа немного раньше и должен был теперь идти пешком. Под ногами было месиво из тающего снега и грязи. Ветер остро хлестал в лицо колкой ледяной моросью.

Внимание Григория Григорьевича привлекли люди в штатском, явно из охранки, которые подхватили под руки двух молодых людей со свертками в руках. Парни дернулись пару раз, но не слишком рьяно, реалистично оценивая свои шансы. Григорий Григорьевич, казалось, навсегда запомнил взгляд злых узких глаз одного из них. Орлиным носом, густыми бровями, усами и бородой юноша напоминал горца, но выправкой и походкой не дотягивал. Второй же обладал совершенно непримечательной внешностью.

Гришу на секунду охватила паника. Он вспомнил то самое первое марта, шесть лет назад – убийство Александра II. Вспомнил крики раненых, запах пороха, кровь. Он попытался отделаться от дурных воспоминаний и поспешил в лавку.

Весь день виденный утром арест не шел у Гриши из головы. По городу поползли слухи. Мол, жандармы предотвратили покушение на государя. Говорили, что Александр III должен был ехать на заупокойную службу по отцу в Петропавловский собор, но припозднился. Якобы лошади не были готовы вовремя. Возможно, кто-то, кто не выполнил свои обязанности в надлежащее время, спас жизнь царю.

Гриша стал подозревать, что парни, задержание которых он видел, и есть неудачные метальщики бомбы. Больше в этот день ни о чем другом Григорий Григорьевич думать не мог.

Вскоре стало известно, что арестована целая террористическая группа, состоящая из студентов университета. Поймали их из-за легкомысленности и безалаберности. Один из участников написал своему другу в Харьков о том, что скоро Россию ждет беспощадный террор. Письмо попало в руки охранки, и за членами террористической фракции «Народная воля» началась слежка. Трех молодых людей взяли с бомбами в руках. Отрицать вину было бесполезно. Они и не пытались. Арестовали и организаторов, среди которых был старший брат будущего вождя революции Владимира Ульянова, известного под псевдонимом Ленин, Александр.

Гриша смял газету, в которой читал о покушении, и бросил на пол. В нем бурлила ярость. Он искренне ненавидел этих зарвавшихся выскочек, берущих на себя смелость рушить судьбы и уничтожать все, что поколениями создавалось до них. Он вспомнил подростка, лежащего в крови у кареты Александра II. Теперь, став отцом, он с еще большим ужасом переживал смерть того мальчика. «Как смеют они прикрываться интересами народа», – думал он, – неся вокруг смерть и слезы?» Он был всего на пару лет старше террористов, но какая пропасть лежала между ними! Григорий Григорьевич – двадцатитрехлетний успешный бизнесмен, с великолепным образованием, управляющий миллионами, создающий новые рабочие места, обеспечивающий достойную зарплату своим работникам, заботящийся о бедных и презренных, активно занимающийся благотворительностью. Да, он был наследником гениального купца с огромным состоянием. Он понимал и ценил это и ему хотелось приумножить благополучие своей семьи и страны. Террористы же представлялись ему неудачниками, не имеющими никаких целей в жизни, кроме абсолютной, безграничной жестокости, прикрываемой идеологией, и желания вписать свое имя в историю любой ценой. Он ознакомился в какой-то из листовок с их манифестом и отметил про себя, что и особым умом эта группа не отличалась. За планируемым убийством, по большому счету, не стояло ничего, кроме подрыва стабильности и наивных утопичных идей. Гриша знал, что такая неконструктивная позиция не сулит ничего хорошего России. Тем больше было его удивление, когда он периодически натыкался на сочувствующие статьи от уважаемых, известных людей.

Ему вспомнились сказанные когда-то давно слова поэта Огарева: «Мы перестали молиться на образа и молились только на людей, которые были казнены или сосланы...». Григорий Григорьевич никак не мог понять, как убийцы становятся сакральными жертвами и героями, которыми восхищаются деятели искусств и интеллигенция, которых так романтизируют, что новые и новые поколения студентов и детей аристократов пополняют армию террористов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.